

Ж8 43

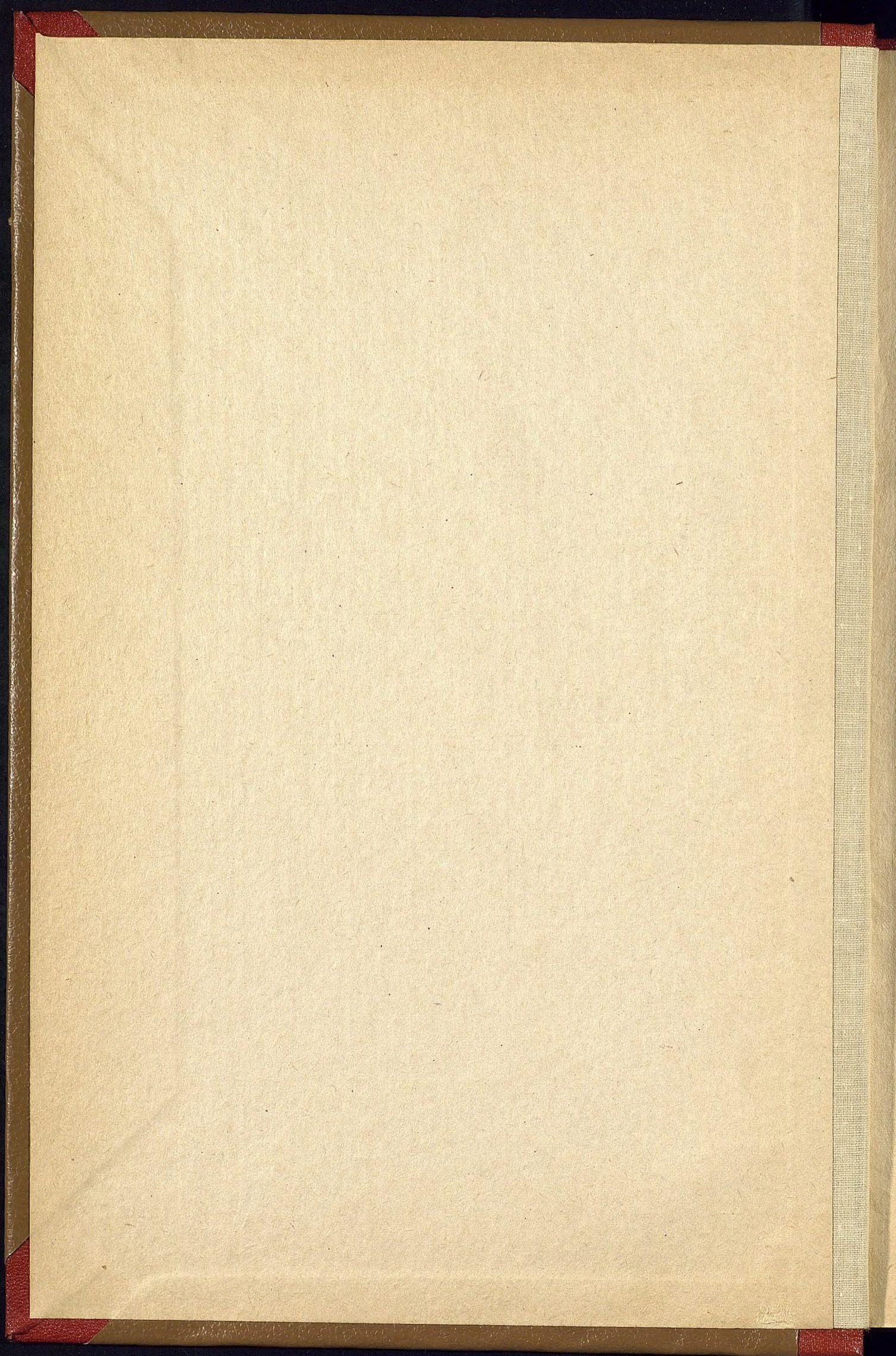
5.90
1.

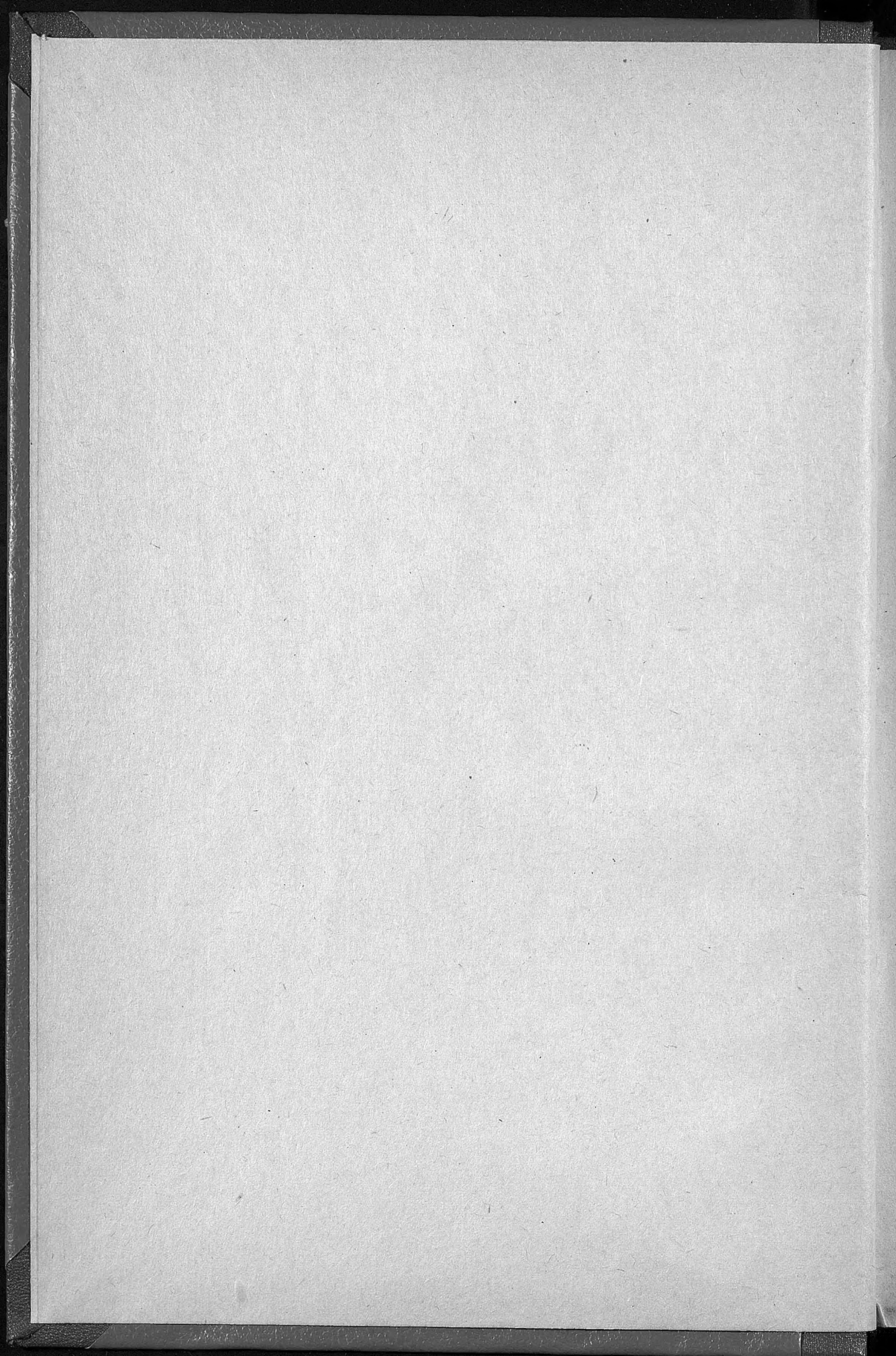
ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ III
ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

26 Февраля 1845—20 Октября 1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

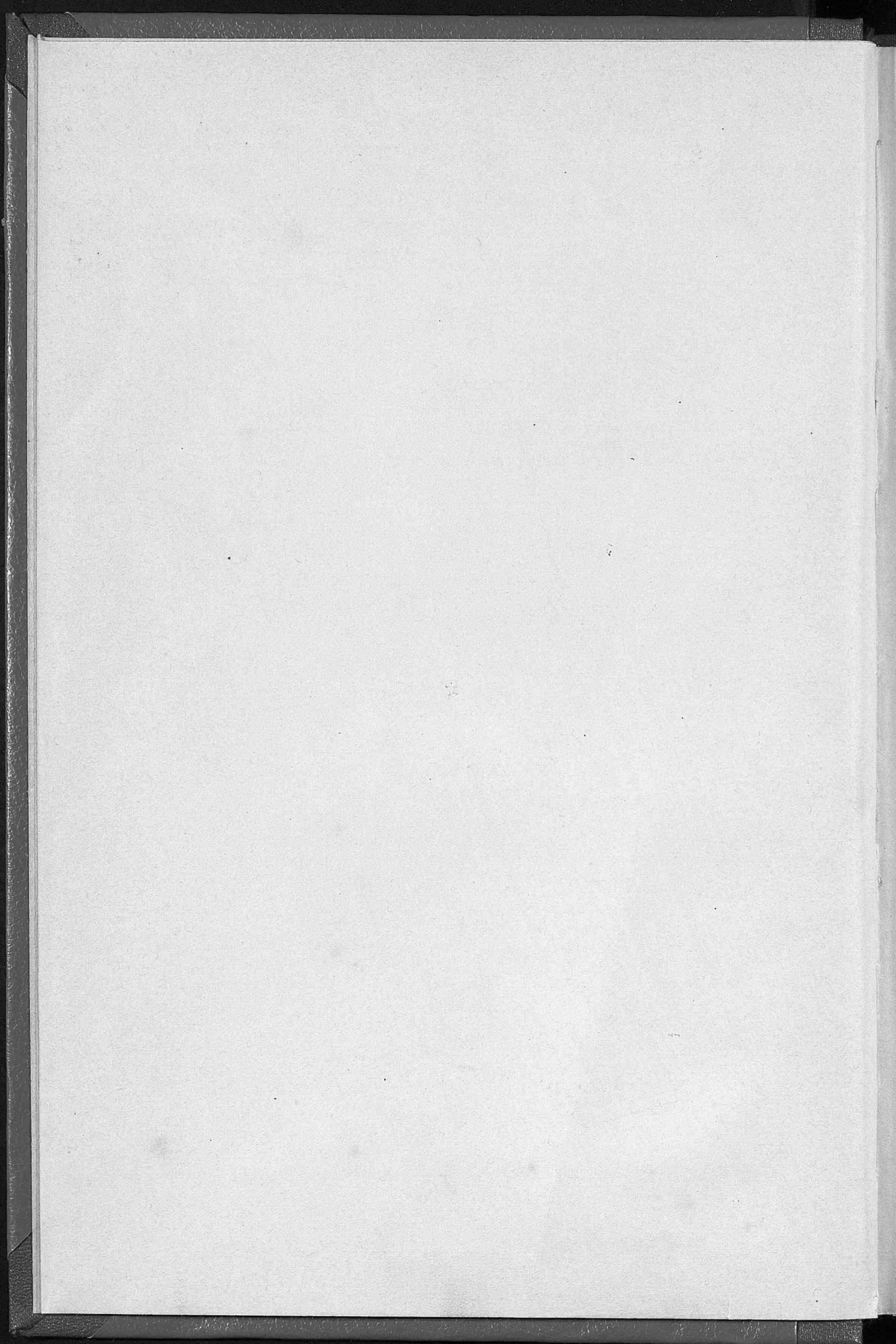
Ея Величеству Государынѣ

Императрицѣ

Маріи Геодоровнѣ

благоговѣйно посвящаетъ составительница

Вѣра Бузні.

Ж8 43

*Дорогой моей сестры невинной души
Великого Императора Николая
Внѣ горько слобвучаю императора
В. Александрова
25 декабря 1894
Енисейск.*

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ III
ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

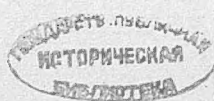
26 Февраля 1845 — 20 Октября 1894 г.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ
СОСТАВЛЕННЫЙ
В. М. БУЗНИ

X

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

790364

Stenhamper

„Гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро
на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный
Промыслъ, съ вѣрою въ истину и силу Самодержав-
ной власти, которую Мы призваны утверждать
и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на
нее поползновеній“...

Высочайшій Манифестъ 29 Апрѣля 1881 г.

Въ томъ царская Его заслуга предъ Россіей,
Что, Царь, Онъ вѣрилъ Самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская земля;
Ихъ громко высказалъ...

А. Майковъ.

Золотыя слова достопамятнаго Манифеста 29 апрѣля 1881 года воплотили въ себѣ всю сущность, весь смыслъ великаго, хотя, увы, кратковременнаго царствованія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III и проникновенно выразили Его царственный обликъ. Тринадцать лѣтъ прошло съ воцаренія почившаго ГОСУДАРЯ до праведной Его кончины, и столь краткаго Его царствованія было достаточно, чтобы поднять Россію отъ печальной памяти Берлинскаго конгресса до Ливадійскихъ дней, отъ униженія и позора побѣдоносной Имперіи — до признанной мощи міровой державы-руководительницы. Россія въ Берлинѣ, смиренно выслушивающая велѣнія Европы, и Россія въ Ливадіи, у ногъ болящаго ГОСУДАРЯ, и потомъ рыдающая у Его гроба, могучая и грозная, передъ лицомъ озабоченнаго и смущеннаго Запада... Какая перемѣна! И эта чудесная перемѣна явилась плодомъ мудраго правленія ВЕЛИКАГО ИМПЕРАТОРА, убѣжденно и неколебимо шедшаго Своимъ

царственнымъ путемъ. Но въ чемъ же тайна этого пути? На что опирался незабвенный Богатырь Русской земли, когда устраивалъ ее внутри и переносилъ средоточіе руководительнаго вліянія на ходъ міровыхъ событій съ береговъ Темзы, Сены, Шпре и Дуная на берега красавицы-Невы?— На самобытную основу царской власти, завѣщанную родной исторіей,—на истину и силу русскаго Самодержавія, освящаемаго помазаніемъ Господнимъ,—на волю Свою, склоненную передъ волей Божіей, опирался ОНЪ. Въ этомъ чудотворная тайна Его благословеннаго царствованія.

Каждой странѣ благодѣтеленъ тотъ образъ правленія, при которомъ она выросла и окрѣпла, который явился выраженіемъ ея естественнаго развитія. Россія, выросшая, окрѣпшая и сложившаяся въ необъятную Имперію подъ водительствомъ своихъ Государей, могла продолжать свой ростъ и развитіе только при твердой самодержавной власти, какъ она изстари понималась русскими людьми. Проникнутый и охваченный сознаніемъ этой власти, всецѣло вытекающей изъ вѣровоззрѣній народа и нимало не похожей ни на западный абсолютизмъ, ни даже на византійскую автократію, ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III правленіемъ Своимъ показалъ, что самодержавная царская власть въ Россіи, въ истинномъ существѣ своемъ, не есть что-либо преходящее, совмѣстимое лишь съ извѣстною ступенью развитія страны, какъ нерѣдко утверждаютъ это поклонники зарубежной мудрости, но является началомъ вѣчнымъ, всегда необходимымъ и благотворнымъ, — высшимъ изъ всѣхъ государственныхъ началъ, единымъ мыслимымъ въ нашемъ отечествѣ. Покоясь на основахъ Православной вѣры, самодержавіе наше, — этотъ драгоцѣнный завѣтъ предковъ, — представляетъ собою воплощеніе власти, предназначенной Небомъ творить земную правду: въ качествѣ орудія воли Божіей Государь-Помазанникъ держитъ въ рукахъ своихъ единоличную верховную власть, которую онъ свыше призванъ осуществлять во благо народа своего. Не ограниченный никакой иной человѣческой властью и, тѣмъ менѣе, — волей народной, онъ не имѣетъ и своей воли: въ совѣсти своей онъ внимаетъ лишь голосу правды Божіей.

Его самодержавіе—тяжкій подвигъ, великое и самоотверженное послушаніе, верхъ человѣческаго самоотреченія, крестъ. И не по своему желанію, а по Божьему назначенію становится Самодержецъ на свое трудное служеніе. Онъ не можетъ спрашивать себя, достанетъ ли у него силъ нести царственное бремя, а долженъ вѣрить, что если Богъ избралъ его своимъ орудіемъ, то нѣтъ уже мѣста никакимъ человѣческимъ колебаніямъ. Въ такомъ величій подчиненія волѣ Божіей дается освященіе нашей государственной жизни во всей полнотѣ неограниченной царской власти и такъ воплощалъ въ Себѣ эту власть въ Бозѣ почивающій НОСИТЕЛЬ народнаго идеала.

ОНЪ умиралъ. Буря шумѣла, стонало море. Волны набѣгали, съ ропотомъ ударялись о берегъ, словно рвались и метались туда, ко дворцу, гдѣ угасала Его жизнь, и падали, и бѣжали съ плачемъ назадъ. Скорбный, страшный день: ЕГО послѣдній день...

ОНЪ умиралъ. Спокойно, съ покорностью волѣ Господней, въ ясномъ сознаніи свершеннаго Имъ до конца великаго царскаго долга. Окруженный колѣнопреклоненной Семей, напутствуемый молитвами Праведника, на рукахъ Державной Супруги и Первенца-Сына тихо отходилъ ОНЪ въ вѣчность. Послѣдняя мысль Его была о Россіи. Послѣдняя ласка, послѣднее слово были Той, Которая посвятила и отдала Ему Свою жизнь. Ей былъ и послѣдній взглядъ Его, послѣднее прости. А тамъ, за стѣнами дворца, море народное, пламенно молящееся, еще надѣющееся, вѣрящее въ чудо...

Не стало великаго Самодержца. Не стало ЦАРЯ, торжественно возвѣстившаго, среди смутъ и колебаній, истину самодержавія и поднявшаго знамя его такъ высоко, что современники, свои и чужіе, благоговѣнно склонились предъ нимъ. Не стало ГОСУДАРЯ, вдохновлявшагося святыми завѣтами нашей исторіи и самоотверженно, до послѣдняго вздоха, вѣрно и неизмѣнно служившаго Своему небесному призванію. Нѣтъ мудраго Державнаго Вождя, такъ чудодѣйственно воскресившаго наши силы и безъ

войнѣ, безъ потрясеній, безъ жертвъ, побѣдно и грозно пронесшаго русское имя по всему міру. Нѣтъ вселенскаго Миротворца, который, съ высоты Своего мірового вліянія, спокойнымъ разумомъ, твердымъ словомъ, мощной рукой сдерживалъ столько лѣтъ столкновенія, готовые, казалось, разразиться громами и молніями. Нѣтъ Его, ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ, безсмертнаго въ памяти народной!

Бѣлѣетъ среди колоннъ, въ надвигающемся сумракѣ храма, священная гробница усопшаго ЦАРЯ. Кротко, словно звѣзды, теплятся и мерцаютъ вокругъ нея и надъ ней лампы и свѣчи, отливая сіяніемъ, дрожа, словно слезы народныя, на золотѣ и серебрѣ иконъ и вѣнковъ. Туда, въ Петропавловскій соборъ, на эту орошенную слезами могилу, стремится душа. И нынѣ, и завтра, и всегда наполняетъ его тихою молитвою безконечная толпа народная, стекающаяся къ дорогой могилѣ со всѣхъ концовъ необозримой Россіи.

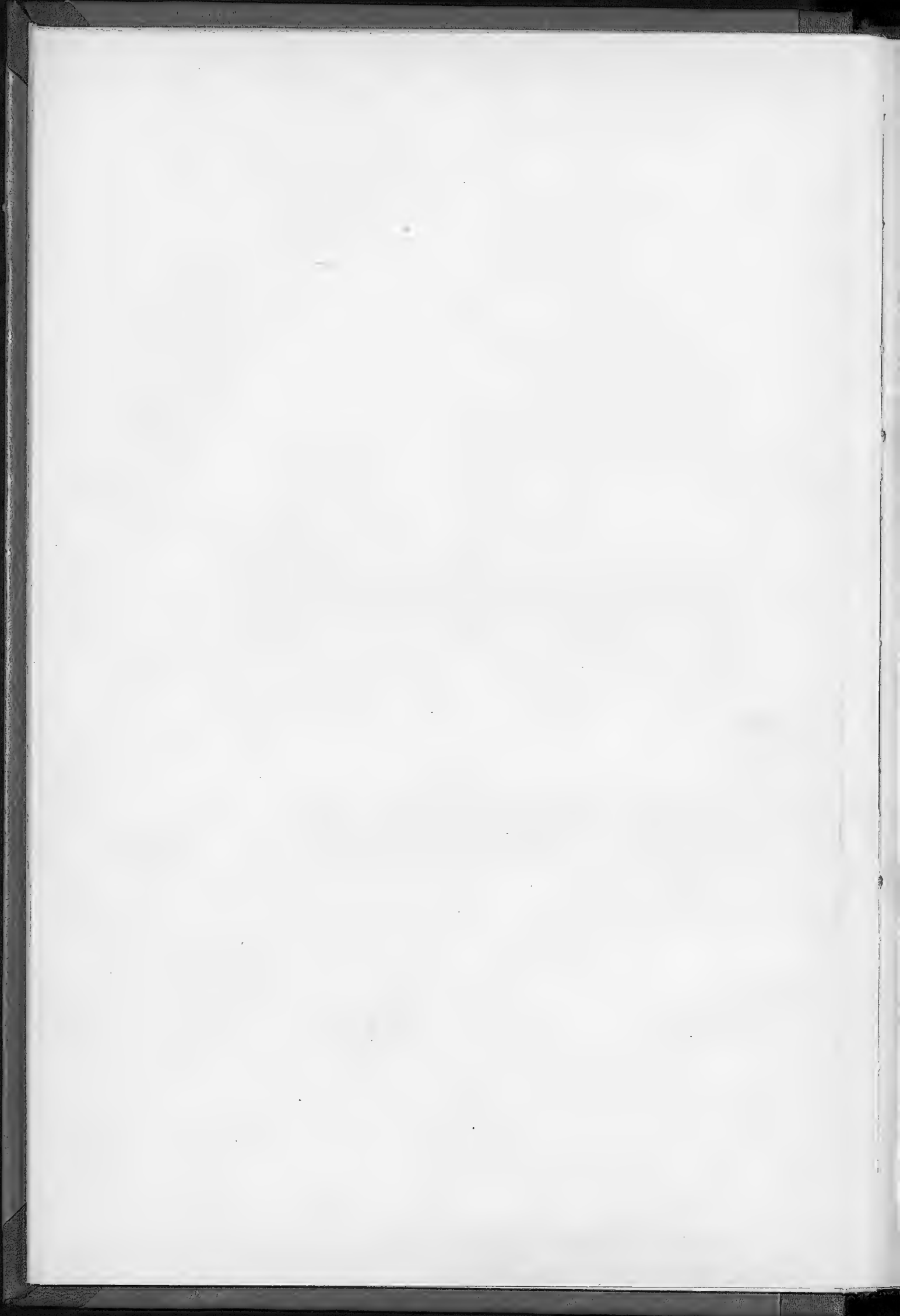
Бѣгутъ года. Все дальше и дальше отходятъ въ прошлое минуты праведной кончины ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III и все ярче и ярче, все краше и свѣтлѣй сіяетъ намъ образъ ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ. Да будетъ же вѣчно сіять Онъ, этотъ лучезарный Образъ, надъ родною землею и да служитъ Онъ путеводною звѣздою всякому истинно русскому и вѣрноподданному.

Вѣра Бузні.

С.-Петербургъ. 1912 г.

*Стихотворений, посвященныхъ событіямъ жизни,
кончинѣ и памяти Императора Александра III, разсыяно
великое множество въ нашей повременной литературѣ.
Мы выбрали только тѣ изъ нихъ, которыя казались
намъ почему-либо наиболее удачными.*

В. Б.

I.

НА СВЯТОЕ КРЕЩЕНИЕ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА *).

Подъ сѣнью царственной намъ даръ отъ неба новый,
И, вѣстникъ милости Правителя міровъ,
Ты нынѣ Церковью усыновленъ Христовой,
Къ надеждѣ, къ радости отечества сыновъ.

О, сынъ Наслѣдника полсвѣтныя Державы,
Младенецъ Александръ! Какъ много предъ Тобой
Свѣтилъ родныхъ лучами славы
Осіявають путь земной!

Да будетъ же Твой вѣкъ Россіи благодатенъ!
Какъ родомъ, такъ душой будь Николаю внуку!
Да будешь Ты землѣ и небесамъ пріятенъ,
И брату-первенцу—всегда по сердцу другъ!
Какъ Невскій Александръ, будь Князь благочестивый,
Какъ новый Александръ, герой позднѣйшихъ лѣтъ,
Будь Александръ миролюбивый!

Смиреньемъ будь великъ, любя небесный свѣтъ!
Благословенному достойно соименный,
Еще величія Россіи ты прибавь
И имя Русское во всѣхъ концахъ вселенной
Своею жизнію прославь!

Б. Ф.

*) „Маякъ“ 1845 г., т. XXI, ч. I. Великій Князь Александръ Александровичъ, въслѣдствіи Императоръ Александръ III, второй сынъ Александра II, тогда еще Наслѣдника Всероссійскаго престола, родился 26 февраля 1845 г. въ Аничковомъ дворцѣ, въ царствованіе Дѣда Своего, Императора Николая Павловича. Поэтъ, скрывшійся подъ буквами Б. Ф., не вѣдая, что новорожденному Великому Князю Провидѣніе предопредѣлило восшествіе на прародительскій престолъ и надъ главой Царственного младенца витала уже императорская корона, пророчески изобразилъ въ своемъ стихотвореніи на святое крещеніе, совершенное 17 марта 1845 г. въ Зимнемъ дворцѣ, грядущее значеніе, славу и духовный обликъ почившаго Государя Императора.

II.

ТОРЖЕСТВО БРАКОСОЧЕТАНІЯ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА *).

Небо блѣдно голубое
Дышетъ свѣтомъ и тепломъ,
Что-то радостно родное
Вѣетъ, свѣтится во всемъ.

Воздухъ, полный теплой влаги,
Зелень свѣжую поитъ
И торжественные флаги
Зыбью тихою струить.

Чистымъ пламенемъ, спокойно,
По ночамъ горятъ огни...
Очарованныя ночи,
Очарованные дни!

Словно, строгій чинъ природы
Преданъ былъ, на эти дни,
Духу жизни и свободы,
Духу свѣта и любви.

Словно, въ вѣкъ ненарушимый
Былъ нарушенъ вѣчный строй
И любившей, и любимой
Человѣческой душой.

*) О. Тютчевъ. Собраніе стихотвореній, посмертное изданіе. Торжество бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича съ Великой Княжной Маріей Ѳеодоровной, дочерью Датскаго Короля Христіана IX и Королевы Маріи-Луизы, состоялось 28 октября 1866 г. въ большомъ соборѣ Зимняго дворца. Цесаревна Марія Ѳеодоровна, нынѣ Вдовствующая Государыня Императрица, родилась 14 ноября 1847 г. До св. мѣропомазанія и принятія въ лоно Православной церкви Ея Величество носила имя Маріи-Софіи-Фредерики-Дагмары. Отсюда названіе недѣли торжествъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ бракосочетаніе, Дагмариной".

Въ этомъ ласковомъ сіяньѣ,
Въ этомъ воздухѣ живомъ
Чье-то чудится дыханье,
Чей-то слышится пріемъ.

И нѣмое умиленье,
Съ благодатью чистыхъ слезъ,
Къ намъ сошло, какъ откровенье,
И во всѣхъ отозвалось.

Небывалое доселѣ
Понялъ вѣщій нашъ народъ,
И „Дагмарина“ недѣля
Перейдетъ изъ рода въ родъ.

Ф. Тютчевъ.

1866 г. сентября 17-го.

III.

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ
И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ,
АТАМАНУ ВСѢХЪ КАЗАЧЬИХЪ ВОЙСКЪ,
ПРИ ПОДНЕСЕНИИ ТРОСТИ, ПРИНАДЛЕЖАВШЕЙ ГЕТМАНУ
КАЗАЦКИХЪ ВОЙСКЪ, СВѢТЛѢЙШЕМУ КНЯЗЮ
Г. А. ПОТЕМКИНУ-ТАВРИЧЕСКОМУ *).

Быль вѣкъ,—роились исполины,
Вѣнчалъ насъ лавромъ каждый годъ!
Вѣкъ дивныхъ дѣлъ Екатерины
Въ народной памяти живетъ!

Предъ сѣверной Ея державой
Никто не смѣлъ возвысить рѣчь;
Судьбу царей и царствъ со славой
Рѣшалъ Ея побѣдный мечъ.

Въ средѣ бойцовъ Ея могучихъ,
Сподвижниковъ великихъ дѣлъ,
Одинъ, какъ молнья грозной тучи,
Державной мыслями владѣлъ.

*) „Русскій Архивъ“ 1877 г., т. 3. Г. Ознобишинъ, въ 1870 г., имѣлъ счастье поднести Государю Наслѣднику Цесаревичу, черезъ Гофмаршала Его Двора В. В. Зиновьева, простую камышевую трость, жалованную Императрицей Екатериной Великой свѣтлѣйшему князю Потемкину-Таврическому при отбытіи его въ южную армію. Трость эта, съ которою Императрица обыкновенно прогуливалась по любимому Ею Царскосельскому саду, была дана при милостивыхъ словахъ: „Носи, какъ Я носила“. Съ этой минуты Потемкинъ не разставался съ тростью и переходилъ отъ одной побѣды къ другой. На серебряномъ набалдашникѣ трости онъ велѣлъ вырѣзать свой гербъ.

Эту историческую трость г. Ознобишинъ приобрѣлъ у наслѣдниковъ кн. Потемкина-Таврическаго и поднесъ ее Наслѣднику Цесаревичу, какъ Атаману всѣхъ казачьихъ войскъ, за что удостоился личной благодарности Его Высочества при проѣздѣ Его черезъ г. Симбирскъ съ Императоромъ Александромъ II.

Причудливъ, какъ волна морская,
Твердъ, неподкупенъ, какъ булатъ,
Онъ былъ, въ алмазахъ весь сверкая,
Солдатъ и тонкій дипломатъ.

Ему, смѣясь, Она вручила
Однажды трость изъ камыша,
Сказавъ: „Носи, какъ Я носила!“
И, царскимъ даромъ дорожа,

Той тростью Запорожской Сѣчи
Онъ буйство дерзкое смирилъ;
Былъ съ нею подъ дождемъ картечи,
Когда Очаковъ разгромилъ;

За вѣковыя мстя обиды,
Ордынцевъ стеръ съ лица земли;
Далъ тростью знакъ: берега Тавриды
Къ ногамъ Монархини легли!

Предъ тростью сей султанъ въ Царьградѣ
Дрожалъ, предвидя смертный часъ,
Готовъ молить былъ о пощадѣ...
Какъ гетманъ вдругъ въ степяхъ угасъ.

Упала трость изъ рукъ безъ боя!..
Но, въ память будущимъ вѣкамъ,
Кладу ее, съ гербомъ героя,
Великій Князь, къ Твоимъ стопамъ.

Ознобишинъ.

Сентябрь 1870 г.,
С.-Петербургъ.

IV.

НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III *).

Была ужасная, кровавая година,
Когда Ты взялъ могучею рукой
Бразды и долгъ святой Царя и Сына
Исполнилъ твердо, жертвуя собой.

Покоренъ Божьему всеильному вельнью,
Ты поднялъ стягъ Россіи высоко,
И солнце яркое, лучами обновленья,
Вновь разлилось надъ родиной свѣтло.

И подъ рукой помазанника Божья
Открылся родинѣ ко славѣ новый путь,
И трона царскаго священнаго подножья
Врагамъ отчизны вновь не колыхнуть.

Надъ мощною великою державой,
Въ порфирѣ и коронѣ золотой,
Стоитъ нашъ Царь-Хранитель величавый,
Блюдя ея и цѣлость, и покой.

Ѳ.

*) Государь Императоръ Александръ III вступилъ на престолъ 1 марта 1881 г., послѣ злодѣйскаго убійства Императора Александра II, совершеннаго на Екатерининскомъ каналѣ, при проѣздѣ Его изъ Михайловскаго дворца (нынѣ Музей Императора Александра III) въ Зимній. Александръ II скончался въ Зимнемъ дворцѣ 1 марта въ 4 ч. 20 м. пополудни.

Близокъ часъ торжества величаваго!...
Встрепенися, родная земля,
Соберися къ стѣнамъ златоглаваго
И богатаго славой Кремля,

Разступися съ своими заботами,
Съ мелочными о жизни расчетами,

Въ умиленіи къ Кремлю соберись
И на храмы святыя Кремлевскіе,
Гдѣ хранятся святыни Московскія,
Отъ души за Царя помолись!...

Онъ, Родимый, исполненъ смиренія,
Предъ великимъ, торжественнымъ днемъ
Къ небесамъ возсылаетъ моленія,
Сопрягая молитву съ постомъ.

И о чемъ та молитва державная?—
О тебѣ, наша Русь православная!...

Помолись-же и ты за Отца,

Да пошлютъ Ему силы небесныя
Всѣ дары благодати чудесныя

Съ благодатью святою вѣнца!
Помолись, что-бъ всесильной десницею
Охранялъ Всемогуцій Творецъ
Наше Солнце съ Царицей-Денницею,
Принимающихъ Отчій Вѣнецъ,

Чтобъ одѣлъ Ихъ великою славою,
Чтобъ надъ Русской могучей державою

*) „Московский Листокъ“ 1883 г., № 130. Это стихотвореніе и семь послѣдующихъ (VI—XII) посвящены свѣтлымъ торжествамъ Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Александра III и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Коронованіе происходило 15 мая 1883 г., по древнему обычаю, въ Успенскомъ Соборѣ въ Москвѣ.

Вѣкъ сіяла святая заря
Отъ Вѣнца Вѣнценосца Державнаго,
Отъ могучаго, сильнаго, славнаго
И любимаго нами Царя!

Встрепенися, ты, Русь необъятная,
Встрепенися, родная земля—
Наступила пора благодатная
Помолиться святынь Кремля!

Ты къ Кремлю соберись въ умиленіи
И въ великомъ духовномъ смиреніи
Ты на небо мольбы вознеси,
Для Царя, Твоего Благодѣтеля,

О твоємъ процвѣтаньи Радѣтеля,
Благостыни небесной проси!
Съ океана приди Ледовитаго
И съ полуденныхъ теплыхъ морей,

И съ востока, горами закрытаго,
Соберися къ Кремлю поскорѣй!
Близокъ часъ торжества величаваго,
И въ соборѣ Кремля златоглаваго

Заблеститъ золотая заря,
Заблеститъ отъ вѣнца многоцѣннаго,
Отъ вѣнца вѣковаго священнаго
На челѣ величавомъ Царя!..

С. Оедоровъ.

VI.

ВЪ ДЕНЬ ВЪНЧАНІЯ НА ЦАРСТВО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА *).

Радугой встрѣченъ при вѣздѣ въ Москву....
 Солнцемъ внезапно, къ народу въ вѣнцѣ выходя, осіянь...
 Голубь, влетѣвшій въ окошко въ соборъ,
 Плавно надъ НИМЪ, на престолѣ стоящимъ, кружить....
 Склоненъ нашъ умъ видѣть знаменье свыше во всемъ:
 Радуга—гнѣву-ль Господню конецъ?
 Солнце—Божественный свѣтъ, озаряющій путь?
 Голубь—Святаго и Животворящаго Духа покровъ?
 Это-ль преддверье грядущаго вѣка для насъ?

А. Майковъ.

1883.

*) А. Майковъ. „Собраніе стихотвореній“, посмертное изданіе. Это прекрасное стихотвореніе усопшаго поэта основано на фактахъ, сопровождавшихъ торжество Св. Коронаванія. Для всѣхъ современниковъ понятное, оно требуетъ нынѣ освѣженія въ памяти этихъ знаменательныхъ фактовъ.

10 мая 1883 года послѣдовалъ торжественный вѣздъ Ихъ Величествъ Государя Императора Александра III и Государыни Императрицы Маріи Феодоровны въ Москву. Шествіе направлялось изъ Петровскаго Дворца, гдѣ Ихъ Величества имѣли до того пребываніе, черезъ Триумфальные ворота по Тверской, Красной площади, затѣмъ Спасскими воротами въ Кремль.

Въ ту минуту, когда Государь выѣзжалъ изъ Триумфальныхъ воротъ на Тверскую, передъ Нимъ, при блескѣ солнца, на безоблачномъ небѣ, неожиданно появилась яркая радуга, отчетливо вырисовывавшаяся отъ одного конца горизонта до другого. Казалось, само небо пророчествовало о тишинѣ и ясномъ спокойствіи грядущаго царствованія.

Утромъ 15 мая, въ день Св. Коронаванія и Миропомазанія Ихъ Величествъ, по небу бродили тучки, по временамъ накрапывалъ небольшой дождь. При выходѣ же Государя и Государыни изъ дворца, для слѣдованія въ древній Успенскій соборъ, небо вдругъ прояснилось и солнце освѣщало Ихъ Величествъ во все время шествія Ихъ въ завѣтный историческій храмъ. Во время долгой службы въ соборѣ солнце лишь изрѣдка выглядывало изъ-за тучекъ, и въ общемъ время стояло сѣрое. По окончаніи Коронаціи и послѣ посѣщенія соборовъ Архангельскаго и Благовѣщенскаго, Государь Императоръ и Государыня Импе-

VII.

СЛОВА КАНТАТЫ, ИСПОЛНЯВШЕЙСЯ ПРИ
КОРОНАЦІОННОМЪ ОБЪДѢ 15 МАЯ
ВЪ КРЕМЛЕВСКОМЪ ДВОРЦѢ, ВЪ МОСКВѢ.
(СОЧ. А. Н. МАЙКОВА, МУЗ. П. ЧАЙКОВСКАГО *).

МОСКВА.

Съ мала ключика студѣна потекла рѣка;
Съ невелика зачиналась каменна Москва.
Наѣзжали тутъ князья тѣшиться,
По темнымъ лѣсамъ кабана ловить,
Въ тихихъ заводяхъ лебедей стрѣлять.
Гой, не туча въ синемъ небѣ разстилается:
Злы татары, валъ за валомъ, по Руси валяютъ...
Не видать въ дыму красна солнышка,
Стономъ стонъ стоитъ по лицу земли,
Гдѣ не бьютъ людей, гонять полоны...
Полонянички идутъ, другъ друга спрашиваютъ:
„Изъ которой веси ты, какого города?“
— „Я изъ Кіева,—изъ Чернигова,—
— Я изъ Суздаля,—изъ Владиміра,—
Ты прости навѣкъ, милъ родимый градъ!“

ратрица удалились во дворецъ, надъ которымъ къ этому времени нависла темная туча. Когда-же, вслѣдъ за тѣмъ, Царственная Чета, въ порфирахъ и коронахъ, вышла на балконъ дворца, чтобы показаться народу, ослѣпительный лучъ солнца пробился сквозь тучу и озарилъ Вѣнценосцевъ.

Во время самого Св. Коронованія въ Успенскомъ Соборѣ, въ тотъ моментъ, когда Государь въ полномъ царскомъ одѣяніи, со скипетромъ и державой въ рукахъ, стоялъ на Своемъ Царскомъ Престолѣ, а всѣ присутствующіе, не исключая и Государыни Императрицы, опустились на колѣни, внезапно бѣлый голубъ влетѣлъ въ окно собора и сталъ парить надъ головой Императора. Всѣ эти факты и нѣкоторые другіе произвели мистическое впечатлѣніе на очевидцевъ и современниковъ, которое и нашло себѣ поэтическое выраженіе въ приводимомъ стихотвореніи.

*) „Коронаціонный Альбомъ Всемирной Иллюстраціи“, май 1883 г. Обѣдъ, обставленный особою торжественностью и блескомъ, по заранѣ составленному церемоніалу, происходилъ, по давнему установленію, въ Грановитой Палатѣ Кремлевскаго дворца.

Ты ли, Господи, въ конецъ на Русь прогнѣвался?
Ни пощады ей не будетъ, ни спасенія?....

Въ людяхъ рознь идетъ, въ князьяхъ которы,
Гдѣ ни глянь кругомъ—темна ночь лежитъ,
Темна ночь лежитъ, непроглядная.....

* *
*

То не звѣздочка
Засвѣтилася
Въ непроглядной тьмѣ,

То зажглась свѣча
Воску яраго
Въ каменной Москвѣ;

Зажигаль ее
Тамъ святитель Петръ
Да Московскій князь...

Запримѣтили
Люди русскіе
Съ далека ее;

Ободрились,
На нее глядятъ,
Богу молятся...

А она горитъ,
Разгорается,
Свѣтитъ всей Руси;

А Московскій Князь
Возвышается,—
Думу думаетъ...

Думу думаетъ,
Дѣло дѣлаетъ,
Не торопится.

* *
*

Часть ударилъ жданный, радостный!
Колокольный звонъ по всей Руси,
И молебны по церквамъ поютъ!
И по всей землѣ веселіе!
Словно мутны воды вешнія
Золота-Орда растаяла,
Отъ святой Руси отхлынула.
Пронеслися тучи черныя,
Вышло солнце изъ-за черныхъ тучъ:
Засвѣтился имъ Московскій Кремль,
Золотыя церквей маковки;
А въ палатѣ узорчатой
Всѣхъ свѣтлѣй сидитъ и радостнѣй
На престолѣ самъ Московскій Князь,
Самодержецъ всея Руси,
А не ханскій уже данничекъ:
Его ноженькой растоптана
Басма ханская тутъ валяется,
И бѣгутъ съ метлою конюхи
Выметать ее на задній дворъ.

* *
*

Ужъ какъ изъ лѣса, лѣса темнаго,
Богатырь выѣзжалъ въ поле чистое,
Въ поле чистое, во великій свѣтъ.
Погулять ему-бъ, да потѣшиться,
Силой-удалью похвалиться...
Да какъ вышелъ онъ во великій свѣтъ,
Увидали его люди Божіи
Ото всей страны, отъ восточныя,
И взмолилися, громко плачутся:
— Одолѣли насъ силы темныя!
Церкви Божіи у насъ всѣ поруганы,

Наши царства всѣ ниспровергнуты,
Царство Сербское и Иверское,
И Болгарское, и великъ-престолъ
Константинова Царя-города!
Ты для всѣхъ теперь для восточныхъ странъ
Что звѣзда возшла Виѳлеемская,
Во своей святой каменной Москвѣ!
Возлюбилъ тебя и избралъ Господь—
Повязать тебѣ Константиновъ мечъ
И вѣнчаться вѣнцомъ Мономаховымъ,
Сирыхъ быть тебѣ да защитникомъ,
Поплѣненныхъ быть избавителемъ,
Вѣры правая быть поборникомъ!
О Москвѣ-жъ твоей се пророчество:
„Пали два Рима,—Третій стоитъ,
А четвертому не быть“.

* * *

Мнѣ ли, Господи,
Мнѣ-ль по силамъ Ты
Тяжкій крестъ даешь!
Недостоинъ есмь
Твоя любви!
Развѣ Ты мнѣ дашь
Силу крѣпкую...
Умудришь меня
Своей мудростью...
Я какъ вѣрный рабъ
Предаюсь Тебѣ,
И готовъ въ огонь
И во всяку скорбь,
Ибо дорогъ мнѣ
Не земной почетъ,
А Христовъ вѣнецъ.

* *
*

По Руси пошелъ стукъ и громъ большой,
Чтобъ сковать себѣ броню крѣпкую,
Броню крѣпкую—не себѣ одной,
А что есть людей межъ пяти морей,
Чтобы жить имъ всѣмъ за одну семью,
За одну семью, подъ однимъ Вождемъ,
Правды Божеской только ищучи
И за ближняго не жалѣючи
Во спасеніе сложить голову,
Ибо выше нѣтъ, какъ сія любовь...
Ради славы той потрудились
Всѣ Цари ея благовѣрные,
И всѣ Предки Твои, Царь Возлюбленный,
Днесъ на Царствіе намъ помазанный,
Добродѣтелями изукрашенный,
Божьей милостью намъ дарованный!

* *
*

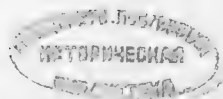
И гряди-жь въ ихъ путь, Православный Царь!
И великимъ Твоимъ Царскимъ дѣланьемъ,
И смиреньемъ Твоимъ передъ Господомъ
О Тебѣ сердца Твоихъ подданныхъ
Да возрадуются!
И пройдетъ Твоя далеко во людяхъ
Слава!

* *
*

Слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему на сей землѣ—слава!
Государынѣ Супругѣ Его—слава!
Государю Наслѣднику Его—слава!

Всему Царскому Дому Его—слава!
И всему народу Его—слава!
Его вѣрнымъ слугамъ—слава!
Именитымъ гостямъ Его—слава!
Чтобы правда была на Руси
Краше солнца свѣтла—слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу честь воздаемъ—слава!
Старымъ людямъ на утѣшенье,
Добрымъ людямъ на услышанье—слава!
Слава во вѣки вѣковъ—слава!

1883.

VIII.

15 МАЯ 1883 ГОДА *).

Зате́плится Москва въ ликующихъ огняхъ!
По тьмѣ синѣющей, несмѣтными чертами,
Картиной огненной рисуясь въ небесахъ,
Обозначался Кремль, обставленный зубцами...
Въ горящихъ очеркахъ, ни кисти, ни перу
Не поддающихся, ничѣмъ не описуемъ,
По каждой профили, по каждому ребру,
Рукой невидимой внимательно рисуемъ,
Онъ, зримо, возникалъ какъ бы изъ тьмы вѣковъ,
Нетлѣнной жизни гость, явленіе свѣтовое,
Весь въ честной памяти преставленныхъ отцовъ,
Въ общеніи съ вѣчностью и въ царственномъ покоѣ...

Всѣ башни ожили, и рдѣя, и свѣтятся
Гдѣ яркимъ пурпуромъ, гдѣ синими огнями,
Какъ бы вступая вновь съ подлуннымъ міромъ въ связь,
Отъ древнихъ оконъ ихъ, блестящими тесмами,
Свѣтлы, какъ солнца блескъ, и остры, какъ мечи,
Какъ бы богатырей какихъ-то древнихъ взоры,
По тьмѣ полуночной рисуя вокругъ узоры,
Скользили длинные, подвижные лучи!

*) „Московскія Вѣдомости“ 1883 г., № 135. Въ день торжественнаго вѣнчанія на царство Ихъ Императорскихъ Величествъ, вечеромъ 15 мая 1883 г., зажжена была волшебная иллюминація. На темномъ фонѣ, во мракѣ теплой и тихой майской ночи, мірадами огней засвѣтилась ликующая, переполненная толпами народными, первопрестольная Москва, а въ ея центрѣ отчетливо выдѣлились огненные очертанія святыни всероссійской — Московскаго Кремля, за зубчатыми стѣнами котораго высились алмазные профили дворцовъ. Одни соборы Кремлевскіе оставались въ колеблющемся полумракѣ, рисуя мягкимъ отраженнымъ свѣтомъ свои золотыя главы въ таинственной небесной выси. Къ довершенію этой чарующей картины внезапно, словно по мановенію феи волшебницы, загорѣлась безчисленными огнями стройная колокольня Ивана Великаго, а надъ ней — въ темномъ просторѣ неба засіялъ огненный крестъ... Поистинѣ — сказочная картина, которую поэтъ художественно воспроизводитъ и которой никогда не забыть очевидцу.

Толпа безсчетная отвсюду прилиwała,
Раскидывалась сплошь мятущимся ковромъ,
Какъ море, что утесъ родной облюбовало,
Толпа и ластилась, и билась подъ Кремлемъ!

Въ молчаніи глухомъ и на сердца твердыни
Стояли лишь однѣ соборныя святыни,
И только трепетнымъ румянцемъ куполовъ,
Какъ бы сочувствуя, весельемъ отвѣчали!
Казалось, тѣ цари, что мирно почивали
За многимъ множествомъ промчавшихся годовъ,
Отвѣтили толпѣ, облитой яркимъ свѣтомъ,
Своимъ едва-едва зардѣвшимся привѣтомъ...

И вдругъ надъ этимъ всѣмъ былъ сразу освѣщенъ
Знакомый изстари столбъ древней колокольни!
Онъ съ высоты взглянулъ на то, чѣмъ окруженъ:
На празднество толпы, на весь просторъ раздольный;
Весь опоясанный алмазами огней,
Онъ гордо превознесъ старинную корону,
И православный крестъ заискрился надъ ней
По потемнѣвшему глубоко небосклону...

Москва! Кто зрѣлъ тебя въ одеждѣ огневой,
Кто эту ночь провелъ среди Первопрестольной,
Тотъ много просвѣтлѣлъ, тотъ беззавѣтно твой,
На жизнь или на смерть въ любви произвольной...

К. Случевскій.

IX.

15 МАЯ 1883 ГОДА *).

Гдѣ сіянье зари золотой
Слабо дымкою ночи темнится,
Гдѣ всегда небосводъ голубой
Въ море синее нѣжно глядится,
Гдѣ по ряби лазуревыхъ волнъ
Беззаботно въ просторѣ широкомъ
Выплываетъ подъ парусомъ челнъ,
Колыхаяся въ морѣ далекомъ,
Гдѣ утесовъ сѣдые гребни
Съ небосводомъ слилися могучимъ
И гдѣ ихъ вѣковые кремни
Служатъ вѣчной преградою тучамъ,
Гдѣ чаруетъ отрадою лѣсъ,
Гдѣ киваютъ пальмъ темныя длани,—
Тамъ подъ сѣнію южныхъ небесъ
Затерялися русскія грани.
Эти грани отъ южной земли
Охватили Востокъ плодородный,
И на Западъ онѣ залегли,
И умчались на Сѣверъ холодный.
Затерялись онѣ въ глубинѣ
Той страны, гдѣ молчитъ вся природа,
Гдѣ конца ихъ въ незримой странѣ
Тщетно ищутъ суда морехода.
Среди тѣхъ непривѣтливыхъ странъ,
Будто злобой себя услаждая,
Лишь бушуетъ сѣдой океанъ,
Смѣльчакамъ льдами путь заграждая,

*) „Московский Листокъ“ 1883 г., № 132.

Гдѣ сверкаетъ онъ гранью стальной
И бурлитъ, и рокошетъ сурово,
Гдѣ ведетъ споръ съ холодной волной
Смѣло судно бойца-китолова;

Тамъ, гдѣ пологъ незыблемыхъ тучъ
Мракомъ чернымъ страну окружаетъ,
Гдѣ сіянія Сѣвера лучъ
Солнца свѣтъ лишь едва отражаетъ,

Гдѣ земля не приноситъ плодовъ,
Гдѣ бушуютъ немолчно стихіи,—
Тамъ средь вѣчно натающихъ льдовъ
Затерялися грани Россіи.

Раскатился широкій просторъ
Мощной Руси, страны-великана,
По хребтамъ съ небомъ слившихся горъ,
По бурливымъ волнамъ океана,

По привольнымъ зеленымъ степямъ,
По ущельямъ, пустынямъ безводнымъ,
По озерамъ и быстрымъ рѣкамъ,
И по тучнымъ полямъ плодороднымъ.

И среди городовъ и столицъ,
Среди селъ, деревень и посадовъ,
По привольямъ веселыхъ станицъ,
По ауламъ, кочевьямъ номадовъ,—

Всюду виденъ двуглавый орелъ,
Охраняющій крѣпость закона,
Всюду славы его ореолъ,
И сіяетъ Россіи корона.

Подъ охраною русскихъ знаменъ
Сколько распрей чужихъ усмирялось,
Сколько съ Русью слилося племенъ,
Сколько царствъ на Руси затерялось!

Какъ изъ мѣди, родная страна
Вулканической силою слита,

Русской правдой на вѣкъ сплочена
И заботою Царской покрыта.

Раскатившись вдаль отъ Кремля,
Вкругъ ступеней священнаго Трона
Процвѣтаетъ родная земля
Подъ охраной святого закона.

Такъ идетъ изъ далекихъ временъ
Ростъ могучій страны-исполина,
И незыблемъ въ ней Царскій законъ,
И священны права гражданина.

Подъ великой заботой Царей
Свято право разумной свободы,
Право это съ высотъ алтарей
Получаютъ Россіи народы.

Съ вѣнценоснымъ Вождемъ во главѣ
Совершаетъ ходъ мощный Россія;
Во едино слились въ Москвѣ
Всѣ преданья ея вѣковыя.

И теперь, на высотахъ Кремля
Лишь раздался призывъ благодатный,
Встрепенулась родная земля,
Загудѣлъ весь просторъ необъятный,

И, къ подножью святыхъ алтарей
Устремившись въ отверзтые храмы,
Весь народъ ко Владыкѣ царей
Шлетъ молитвы святой ѳиміамы.

Предъ святыней молитву творя,
Просить искренне, чуждый лукавства,
Укрѣпилъ бы Богъ Вышній Царя
На великое дѣло Державства;

Чтобы силы Ему ниспослалъ,
Осѣнилъ благодатью и славой,
Чтобъ свѣтъ истины Божьей сіялъ
Надъ великою русской державой.

Русь, привѣтствуй вѣнчанье Царя—
Онъ—твой Сынъ, Онъ—твой Вождь вѣнцероводный!
Пусть за дальнія мчится моря
Вѣсть о твердости русской народной!

Эта твердость не разъ Русь спасла,
Передъ нею склонялась невзгода,
Съ нею сила Россіи росла,
И исторія твердо внесла

Въ книгу доблести вѣрность народа.
Среди бурь русскій духъ не ослабъ,
И доселѣ онъ міръ поражаетъ,
Доказавъ, что герой, а не рабъ,—

Кто величье страны уважаетъ,
Кто Святая Святыхъ алтаря
Сердцемъ чистымъ забыть не посмѣетъ,
Кто со славой родного Царя

Совмѣститъ славу царства съумѣетъ.
Русь, цвѣти, будь вѣрна алтарю,
Будь отзывчива къ Царскому слову,
Божье—Богу, царево—Царю

Воздавай по ученью Христову!
Уповай лишь, молитву твоя,—
Да цвѣтетъ Государя Держава!
Въ нашей вѣрности—сила Царя,
Эта сила—для родины слава.

И. Вашковъ.

Х.

ОДА НА СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНИЕ
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА III *).

На высотѣ Кремля, великой и привольной,
Отрадный слышенъ звонъ родныхъ колоколовъ,—
И пушекъ стройный громъ Москвы первопрестольной
О счастья всей Руси разноситъ вѣсть безъ словъ.

Несется стройный гулъ—предвѣстникъ величавый
Святого торжества... И старъ, и младъ спѣшитъ
Туда, гдѣ Бѣлый Царь Руси золотоглавой
Передъ Царемъ Царей колѣна преклонить.

И вотъ, сердца людей святымъ восторгомъ полны...
Толпы несмѣтныхъ массъ, любовію горя,
По улицамъ Москвы колышятся, какъ волны,
Съ молитвой на устахъ за Батюшку-Царя.

И всякъ спѣшитъ туда, гдѣ средъ любви и мира
Предстанетъ предъ Творцомъ Державный Царь-Отецъ
Съ Царицею родной, гдѣ ждетъ Его порфира,
Держава, скиптръ и царственный вѣнецъ,

И гдѣ святой елей, съ священной мольбою,
Избранника небесъ на Царство посвятить,
Гдѣ Вседержитель Самъ, невидимой рукою,
Державный тяжкій трудъ Царя благословить...

Великъ Державный трудъ! Стезею обновленья,
Стезею опыта, мы къ счастью съ нимъ идемъ,
Великъ и тяжекъ трудъ державнаго правленья!..
Помолимся - же всѣ, помолимся о Немъ!

*) „Петербургскій Листокъ“ 1883 г., № 109.

Да сохранить Царя Всещедрый Вседержитель
И ниспошлетъ Ему успѣхъ въ Его дѣлахъ,
Да облегчить Ему Небесный Покровитель
Поднять Державный трудъ на Царскихъ раменахъ!

Великъ Державный трудъ!.. Съ спокойною душою
Любой изъ насъ въ тиши безопасно, мирно спитъ,
А Царь хранить насъ всѣхъ отеческой рукою
И сонъ, среди заботъ, очей Его бѣжить!

Намъ далъ святой обѣтъ хранить свою Державу
Нововѣнчанный Царь предъ Божьимъ Алтаремъ,
Его призвалъ Господь стяжать Россіи славу..
Помолимся-же всѣ, помолимся о Немъ!

Да одарить его Господь духовнымъ зрѣньемъ,
Чтобъ въ помощь Онъ Себѣ достойныхъ выбрать могъ
Людей безхитростныхъ, съ любовью и смиреньемъ!
Въ сердцахъ людей читать единый можетъ Богъ...

Дадимъ передъ Царемъ мы всѣ обѣтъ священный
Служить Ему во вѣкъ, какъ чести долгъ велитъ,—
И нашъ правдивый трудъ, Творцемъ благословенный,
Державный трудъ Его собою облегчить.

О! еслибъ всѣ мы, всѣ, безъ клятвопреступленья,
Служили-бы Царю средь мира и тревогъ:
Какое-бы Ему мы дали облегченье!..
Но помыслы людей единый видитъ Богъ...

Храни, Господь, Царя въ святомъ Его призваньи,
И всѣ сердца къ Нему съ любовью обрати,
И укажи Ему пути преуспѣянья,
По коимъ Ты судилъ народъ Его вести!

Да вразумить враговъ Россіи мощной слава,
Да будетъ славнаго участникъ славный Онъ,
Да въ просвѣщеніи цвѣтетъ Его Держава
И въ правдѣ да стоитъ Его священный Тронъ!

Да не померкнетъ вѣкъ на Руси Православной
Преуспѣянія отрадная заря!
Да здравствуетъ нашъ Царь и Домъ Его Державный
На много славныхъ лѣтъ! Храни, Господь, Царя!

Александръ фонъ-Беземанъ.

XI.

МОЛИТВА ЗА ЦАРЯ *).

Спаситель мой, колѣна преклоняя
Передъ Твоей иконою святой,
Съ молитвою къ Тебѣ я прибѣгаю:
Простри свой щитъ надъ Царственной Четою!

Молю Тебя, о Боже, благодатью
Своей святой Ее Ты осѣни
И ангеловъ безчисленную ратью
Царя-Отца съ семьей Его храни!

Молю Тебя, о, милостью обильный!
Да будетъ Онъ врагамъ отчизны страхъ,
И царственной Его десницей сильной
Ихъ усмири, предъ Нимъ повергни въ прахъ!

Царю въ трудахъ державнаго правленья
Помощниковъ достойныхъ избери,
Даруй Ему на царство подкрѣпленье
И благостью Его Ты одари,—

Да будетъ Твой помазанникъ Державный
Для подданныхъ заступникъ и отецъ,
Да носитъ Онъ, избранникъ православный,
Со славою Свой царственный вѣнецъ!

К. Никулинъ.

*) „Саратовскія Губернскія Вѣдомости“ 1883, № 135.

XII *).

О, для тебя, Москва моя родная,
Теперь настала свѣтлая пора:
И день, и ночь гремитъ, не умолкая,
Въ стѣнахъ твоихъ могучее „ура!“

Недавно ты, восторженно встрѣчая,
Лицомъ къ лицу увидѣла Царя,
Въ великій день пятнадцатаго мая
Была ты съ Нимъ, молясь, у алтаря...

Счастливы́й дней мы, москвичи, не знали!
Господь взыскалъ насъ милостью своей,
И счастья мы такъ много испытали,
Когда насталъ рядъ незабвенныхъ дней.

Вездѣ народъ, счастливый и довольный,
По всей Москвѣ, на площадяхъ Кремля.
О, въ эти дни Москвѣ первопрестольной
Завидуетъ вся Русская земля!

Ө.

*) „Московский Листокъ“ 1883 г., № 136.

XIII.

НА СОБЫТІЕ 17-ГО ОКТЯБРЯ 1888 ГОДА *).

Не намъ—что наше вдохновеніе!
Не намъ тутъ говорить, не намъ!
Что значить пташки малой пѣнье,
Небеснымъ вторящей громамъ!

Тутъ—ураганы! Тутъ—стихиі!
Тутъ подняты, тутъ взмущены
Сердцеъ народныхъ всей Россіи
Заповѣдныя глубины!

*) А. Майковъ. Собраніе стихотвореній, посмертное изданіе. Это и три слѣдующихъ стихотвореній (XIV, XV и XVI) написаны по поводу истинно чудеснаго спасенія Государя Императора Александра III и Его Августѣйшей Семьи при крушеніи императорскаго поѣзда 17-го октября 1888 г.

Въ этотъ приснопамятный день Державный Хозяинъ Русской Земли, съ Государыней Императрицей Маріей Феодоровной и Дѣтьми, возвращался изъ Крыма въ Петербургъ. На 277 верстѣ Курско-Харьково-Азовской ж. дороги, близъ станціи Борки, императорскій поѣздъ, двигаясь со скоростью 64 верстѣ въ часъ, сошелъ съ рельсовъ. Произошла катастрофа, полная леденящаго ужаса. Задніе вагоны съ неудержимою силою ударились о передніе. Ударъ былъ такъ силенъ, что царскій поѣздъ въ одно мгновеніе обратился въ груды обломковъ. Среди ѣхавшихъ оказалось до 20 человекъ убитыхъ и столько же болѣе или менѣе тяжело раненыхъ. Вагонъ-столовая, въ которомъ, въ моментъ крушенія, находилась за завтракомъ Царская Семья, былъ совершенно разрушенъ. Лакей, подававшій Государю кофе, какъ подкошенный, повалился мертвымъ; собака Государя, находившаяся тутъ-же, убита на смерть. И, о чудо! Изъ этого хаоса разрушенія и царившей вокругъ смерти, изъ подъ обломковъ вагона, хранимые Богомъ, невредимо вышли Августѣйшіе Путешественники, осяняя себя крестнымъ знаменіемъ! Ихъ первую мысль и движеніемъ сердца было—помочь пострадавшимъ. Въ глухую осеннюю пору, въ грязи, подъ дождемъ и порывами вѣтра, Они провели долгіе часы въ заботахъ о раненыхъ. Государь распоряжался освобожденіемъ ихъ изъ подъ обломковъ, а Государыня, при помощи Своихъ Дѣтей, обмывала и перевязывала раны, поила и утѣшала страдальцевъ. Только тогда, когда всѣ раненые были перенесены въ поданный санитарный поѣздъ, Государь Императоръ, съ Семьею Своею, отбылъ назадъ на станцію Лозовую, гдѣ были отслужены благодарственное Господу Богу молебствіе и панихида по убитымъ.

На мѣстѣ, гдѣ былъ разрушенъ вагонъ-столовая, нынѣ устроена пещерная часовня, съ высокой каменной башнею, а тамъ, гдѣ въ открытой степи, въ осеннюю непогоду, Государь, Государыня и Ихъ Августѣйшіе Дѣти ухаживали за ранеными, красуется величественный храмъ во имя Христа Спасителя. Невдалекѣ отъ мѣста крушенія основана иноческая обитель „Спасовъ скитъ“.

Предъ ней, предъ всею стомильонной,—
Одно изъ Божіихъ чудесъ:
Стремится, славой окруженный,
Сонмъ Божьихъ ангеловъ съ небесъ,

И, средъ крушенья массъ желѣзныхъ,
Хранить Царя, Его Семью;
И Самъ Господь съ высотъ надзвѣздныхъ
Простеръ надъ Ними длань Свою...

И зримъ—отъ хладной Полуночи
До Гималая образъ сей,
И упиваются имъ очи,
И слезы льются изъ очей...

А. Н. Майковъ.

1888.

XIV.

17 ОКТЯБРЯ *).

О, день незабвенный! день смертных угрозъ,
Кровавой зарей освѣщенный,
Но чудомъ въ день славы и радостныхъ слезъ
На вѣки для насъ превращенный!

Взмахнулъ Ангелъ Смерти могучимъ крыломъ,—
Внезапно вся Русь содрогнулась:
Казалось—держава подъ грознымъ мечемъ
Въ основахъ своихъ пошатнулась.

Но Богъ милосердный не презрѣлъ мольбы,
Народа мольбы миллионной;—
Страны православной хранилъ Онъ судьбы,
Всесильнымъ крестомъ осѣненной.

Помазанникъ Божій прошелъ невредимъ
Подъ сѣнію смерти нежданной,
Рукою Всевышней чудесно хранимъ
И Богомъ вторично вѣнчанный.

О, дивное чудо!—Носился вездѣ
Губительный духъ разрушенія;
Ударъ за ударомъ, стонъ, грохотъ,—нигдѣ
Не видно надежды спасенья.

Но Ангеловъ свѣтлыхъ, въ тотъ гибельный часъ,
Господь ниспослалъ всемогущій;
Невидимый рой ихъ Избранника спасъ
Отъ смерти, побѣдно грядущей.

Всесильныя крылья простерли они
Надъ Царской Семейю незримо,
И смерть пощадила священные дни
И шумно промчалася мимо.

*) Приложение къ „Церков. Вѣдом.“ 1889 г., № 3.

Возсталъ Императоръ съ Семейю Своей,
Возсталъ изъ могилы спасенный,
И слезы невольно пролилъ изъ очей,
Въ великой душѣ потрясенный.

Надъ грудой обломковъ, въ туманѣ сѣдомъ,
Все ужасомъ взоръ поражало:
Сливались стоны, и много кругомъ
Истерзанныхъ труповъ лежало.

Но Царь, осѣняясь широкимъ крестомъ,
На помощь спѣшилъ потерпѣвшимъ,
И духомъ великій, Онъ въ сердцахъ Своемъ,
Живымъ состраданьемъ горѣвшимъ,

Такъ много высокихъ и благостныхъ силъ
Явилъ въ этотъ часъ испытанья!
Онъ мужество, бодрость въ сердцахъ воскресилъ,
При Немъ умолкали стенанья.

Опасность и муки забывши Свой,
Спасеньемъ обязанный чуду,
Державной рукою и словомъ любви
Онъ помощь оказывалъ всюду.

Съ Нимъ вмѣстѣ Царица, нашъ Ангелъ земной,
Свое забывала мученье
И раненой, нѣжной Своею рукой
Страдальцамъ несла облегченье.

Любовь неземная въ прекрасныхъ очахъ
Сквозь тихія слезы сіяла,
И лаской душевной въ смятенныхъ сердцахъ
Надежду она пробуждала.

О, праведный Боже! храни Ихъ, храни,
Великихъ, благихъ, милосердныхъ!
Умножи въ ихъ жизни счастливые дни,
И нашихъ моленій усердныхъ,

Къ Тебѣ возносимыхъ и ночью, и днемъ,
Не презри, Владыка вселенной,
И крестною силой нашъ Царственный Домъ,
Какъ нынѣ, храни неизмѣнно!

Предъ мирнымъ величьемъ Ихъ власти святой
Да склонятъ главы всѣ народы!
Да славится Ими весь край нашъ родной
На многіе, многіе годы!

А. С.

28 октября 1888 года,
Михайловка.

Единовластіе считая
 Своимъ оплотомъ съ древнихъ дней,
 Любовь питаетъ Русь святая
 Къ Царямъ, поставленнымъ надъ ней.
 Извѣстно, какъ въ былыя лѣта
 Любовь доказывалась эта;
 Извѣстно, какъ она росла,
 И какъ теперь являть готова
 Она святые чувства снова
 Въ сердцахъ, которымъ нѣтъ числа!

И знаетъ нашъ Отецъ Державный,
 Ведущій доблестно впередъ
 Дорогой свѣтлою и славной
 Свой вѣрноподданный народъ,
 Что мы полны такой любовью,
 Что жизнью нашею и кровью
 И всѣмъ, что дорого для насъ,
 Готовы жертвовать всечасно,
 Чтобъ безтревожно, безопасно,
 Встрѣчалъ Онъ каждый новый часъ.

И вдругъ священной Царской жизни,
 Въ которой видимъ мы залогъ
 Великой славы для отчины
 И процвѣтанья безъ тревогъ,
 Опасность страшная грозила,—
 И только Божьей власти сила
 Предотвратила чудомъ то,
 О чемъ помыслить невозможно,
 Что, содрогнувшись тревожно,
 Не смѣетъ высказать никто.

*) „Московскій Листокъ“ 1888 г., № 292.

Хвала Творцу! Мы ненапрасно
Моления шлемъ Ему о томъ,
Чтобъ осѣнялъ Онъ ежечасно
Царя спасительнымъ щитомъ:
Окрѣпла вѣра съ чудомъ этимъ,
Что намъ, святой державы дѣтямъ,
Онъ сохранить всегда Отца
Своею властію всеильной
И явить жизнь Его обильной
Дарами неба безъ конца!..

XVI.

НА СЕМНАДЦАТОЕ ОКТЯБРЯ.

Отъ заката до востока,
Черезъ горы и моря,
Какъ раскинулось широко
Царство Русскаго Царя!

И подъ властною рукою
Наша мирная страна
Стомилionною толпою
Отъ враговъ ограждена.

Но еще иная сила,
Выше бранныхъ силъ земныхъ,
Нашу родину хранила
При царяхъ ея святыхъ.

И теперь не оставляетъ
Православную семью,
И чудесно намъ являетъ
Помощь дивную свою.

Непостижимая,
Неодолимая
Сила святаго Креста,
Всѣхъ побѣдителя,
Вѣрныхъ спасителя,—
Вѣчная сила Христа!

Этой силой чудотворной
Православный нашъ народъ,
Волѣ Вышняго покорный,
Дружно движется впередъ.

И вездѣ, въ глухихъ дубравахъ,
Въ городахъ, среди степей,
Много храмовъ златоглавыхъ
И святыхъ монастырей

Надъ Россіей необъятной
Возвышаютъ куполъ свой.
Этой силой благодатной
Утвержденъ нашъ край родной.

Со всѣхъ сторонъ
Несется звонъ
Его церквей,
Монастырей.
Сіяютъ днемъ
Они огнемъ;
И въ часъ ночной,
Когда все спитъ,
Монаховъ рой
Въ молитвахъ бдитъ.

И всеильными крестами
Храмы Божіи блестятъ,
И несмѣтными толпами
Богомольцы къ нимъ спѣшатъ.

Непрестанно, неизмѣнно
Льются теплыя мольбы,
Да хранить Творецъ вселенной
Царства Русскаго судьбы!

Льются, льются повсемѣстно,
Вѣрой праведной горя,
Да спасетъ Господь Небесный
Православнаго Царя!

Боже, Царя спаси!
Боже, Царя храни
Нашей святой Руси
Многіе дни!
Сильнаго, славнаго,
Самодержавнаго,
Боже, храни!

И молитвы ненапрасно
Возносились къ небесамъ,
Возносились ежечасно,
Днемъ и ночью, здѣсь и тамъ:
И на сѣверѣ далекомъ,
И въ полуденныхъ степяхъ,
И подъ кровомъ одинокимъ,
И въ народныхъ торжествахъ.
Въ часъ опасности нежданной,
Провидѣніемъ хранимъ,
Новой славою вѣнчанный
Царь остался невредимъ.
Всюду смерть царила властно,
Но отъ гибели ужасной
Онъ, Всевышняго рукой
Благодатно осѣненный,
И надъ смертью вознесенный,
Спасся съ Царственной Семей!

Со всѣхъ сторонъ
Несется звонъ;
Вѣщаетъ онъ,
Что Царь спасенъ,
Чудесно Богомъ огражденъ,
И невредимъ,
Непобѣдимъ,
Отъ грозной смерти сохраненъ!
Повсюду радость безъ конца,

Ликують вѣрныя сердца:
Нашъ Царь спасенъ!
И льется звонъ
Со всѣхъ сторонъ;
Вѣщаетъ онъ,
Что Царь спасенъ!

Богомъ избранный, хранимый,
Православный Государь,
Въ смертный часъ—неустрашимый,
Сильный, зломъ неодолимый,
Вождь нашъ мудрый, Русскій Царь!
Царствуй долго, царствуй славно,—
Сила Божія съ Тобой!
Подъ рукой Твоей державной
Возрастетъ нашъ край родной!

А. С.

23 октября 1888 года,
Михайловка.

Нижеслѣдующія стихотворенія являются живымъ отголоскомъ печальныхъ событій 1894 года: роковой болѣзни Государя Императора Александра III въ Крыму, Его праведной кончины, перевезенія Его священнаго праха въ Петербургъ и Его погребенія. Въ этихъ стихотвореніяхъ послѣдовательно, правдиво и ярко изображается то, что пережила и переживала тогда Россія: лихорадочно слѣдя за бюллетенями о ходѣ болѣзни Державнаго Страдальца, она пламенно молилась за Него и переходила отъ свѣтлыхъ надеждъ на исцѣленіе смертельнаго недуга къ жгучей душевной тревогѣ за дорогую жизнь. Тревожные дни завершились искреннимъ и глубокимъ всенароднымъ горемъ при вѣсти о кончинѣ Государя Императора: русскій народъ понялъ умомъ и почувствовалъ сердцемъ, Кого онъ лишился...

Серія стихотвореній, вызванныхъ печальными событіями, оканчивается нѣсколькими прекрасными стихотвореніями А. Майкова, Ф. Пестрякова и гр. А. Голенищева-Кутузова, посвященными незабвенной памяти Царя-Миротворца.

XVII.

НАДЕЖДА—БОГЪ *).

Россія вся у алтаря
Съ слезой, тревогою, волненъемъ,
Съ одной мольбой предъ Провидѣнъемъ
Объ исцѣленіи Царя,—
Чтобъ недугъ Его упорный,
Какъ тѣнь безслѣдная, пропалъ;
Чтобъ пламень жизни благотворный
Надъ Нимъ и вѣялъ и дышалъ;
Чтобы Господь родного края
Вернулъ Страдальцу крѣпость силъ
И, жизнь Его благословляя,
Въ чертогъ надежду водворилъ!

Услышь, Создатель, вопль Россіи,
Пошли ей радостные дни:
Болѣзнетворныя стихіи
Отъ Государя отжени!
Да пронесется вѣсть изъ Крыма
Черезъ горы, доли и моря,
Что Божья власть, непобѣдима,
Спасла любимаго Царя!
И просіяетъ Русь святая,
Увидѣвъ вновь передъ собой
Державный обликъ дорогой—
Святыню думъ родного края!

Э. Щешинскій.

*) „Свѣтъ“ 1894 г., № 239. Первый бюллетень о здоровьи Государя Императора Александра III появился въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ 17 сентября 1894 года, передъ отъѣздомъ Его Величества въ Ливадію. Опасенія за счастливый исходъ болѣзни зародились въ сердцѣ каждого, повергнувъ русскихъ людей въ тревогу. Повсюду начались горячія всенародныя моленія объ исцѣленіи болящаго Царя, не прекращавшіяся вплоть до Его кончины.

XVIII *).

Расклеены повсюду телеграммы.
Всѣ смущены; полны народомъ храмы.
Въ сердцахъ съ волненіемъ однимъ,
Предъ алтаремъ, колѣнопреклоненный,
Стоитъ народъ, тревожный и смущенный
Царя недугомъ роковымъ.
У всѣхъ сердца полны мольбою слезной,
Чтобъ Царь Царей болѣзни призракъ грозный
Отвелъ могуществомъ Своимъ.
У всѣхъ сердца въ тревогѣ и волненьи,
Всѣ молятся, въ слезахъ, объ исцѣленьи
Великодушнаго Царя!
Услышь, Господь, Россіи пораженной
И плачь, и стонъ, толпой многомиллионной,
Упавшей ницъ у алтаря!..
Зажгись померкшая заря!

Леонидъ Афанасьевъ.

*) „Свѣтъ“ 1894 г., № 241. Бюллетени въ Ливадіи начались бюллетенемъ 5 октября 1894 г. въ 11 ч. вечера, который гласилъ: „Въ состояніи здоровья Государя Императора замѣчается ухудшеніе: общая слабость и слабость сердца увеличились“. Этотъ бюллетень облетѣлъ Россію и весь міръ, всюду поселяя скорбь и тревогу въ предчувствіи рокового конца. Казалось, какъ черная туча, неотвратимо надвигается горестное событіе великаго мірового значенія—Свѣточъ догораетъ!..

XIX *).

Взойди, счастливая заря!
Порадуй насъ своимъ явленьемъ
И Божіимъ произволеньемъ
Спаси болящаго Царя!

Взойди, счастливая заря,
И, радостнымъ лучемъ сверкая,
Не омрачи родного края,—
Спаси родного намъ Царя.

Взойди, счастливая заря,
Природы радостный кумиръ,
Дай благодатный міру миръ,—
Спаси намъ нашего Царя!

Н. Петровъ.

*) „Свѣтъ“ 1894 г., № 244.

XX.

СКОРБНЫЕ ДНИ *).

(Отрывки изъ дневника).

17-го сентября 1894 г.

Онъ боленъ...

Говорятъ, недугъ Его легко
Поддастся воздуху, теплу и солнцу юга...
Чтожъ сердце сжалось такъ? Отъ легкаго недуга
До думъ о кризисѣ, о смерти далеко.
Кто не болѣлъ изъ насъ? Кого не посылали
На дальній югъ и кто изъ этой дали
На хмурый сѣверъ свой, подъ кровъ своихъ отцовъ,
Не возвращался вновь и веселъ, и здоровъ?...
Отъ скорбныхъ думъ, отъ царственныхъ заботъ,
Въ Ливадіи теперь, въ кругу Семьи любимой,
Онъ въ первый разъ, Борецъ неутомимый,
Вдали отъ дѣлъ, спокойно отдохнетъ,
И тѣломъ бодръ, и духомъ снова силенъ,
Соскучась жить въ плѣнительномъ Крыму,
Могучъ, здоровъ, любвеобиленъ,
Вернется вновь къ народу Своему.

Сентября 22-го.

Пятый день ничего. Пятый день вся Москва
Ждетъ извѣстій съ далекаго юга,
И растетъ, все растетъ въ ней мірская молва
О значеніи Царева недуга...

*) Н. Пушкаревъ. Скорбные дни. Москва, 1895 г. (отдѣльное изданіе)
Это стихотвореніе живо, изо дня въ день, рисуешь тѣ душевныя состоянія, которыя испытывали русскіе люди въ скорбные дни болѣзни и кончины Государя Императора, начиная отъ появленія перваго бюллетеня о состояніи Его здоровья. Тревоги, надежды, вновь сомнѣнія и опасенія чередовались въ сердцахъ населенія, болѣзненно прислушивавшагося къ вѣстямъ о ходѣ роковаго недуга. И такъ продолжалось до 20 октября 1894 г. Затѣмъ — свершилось! Настали тяжкіе дни, которыхъ во вѣкъ не забыть...

Не пытай у молвы. Буйный вѣтеръ спроси,
Кто разнесъ ту молву по базарамъ,
По домамъ, по сердцамъ всѣхъ людей всей Руси;
Но не даромъ она... охъ, не даромъ!

Чуетъ сердце бѣду, чуетъ горе и ждетъ.
Не спроста та молва зачалася:
Слишкомъ любить Царя вѣрный русскій народъ,
Слишкомъ сердцемъ вся Русь съ Нимъ сжилася,

Чтобъ позволить себѣ, безъ нужды, наугадъ,
Сѣять толки и слухи худые...
Чуетъ сердце—и ждетъ. А газеты молчать,
Пятый день всѣ молчать, что нѣмая...

Сентября 25-го.

Все то же... Все тѣ же свинцовыя тучи
Безвѣстности мрачной царятъ надъ Москвой.
Что въ трауръ—предвѣстникъ бѣды неминуемой—
Укутанъ весь городъ.

Нѣмой,

Угрюмый и скорбный стоитъ онъ: ни шума,
Ни смѣха, ни пѣсенъ, ни балльных огней.
У всѣхъ одно горе, у всѣхъ одна дума:
„Что Царь? Что Царица? Что съ Нимъ и что съ Ней?“...

И вдругъ... вдругъ, что солнце въ ночи просіяло.
Все въ мигъ просвѣтлѣло—и сердце, и взоръ:
Онъ былъ въ Ореандѣ; Онъ вновь, какъ бывало,
Съ Семьею Своей посѣтилъ Ай-Тодоръ.
Здоровъ...

Русь! Вернись къ своимъ жизненнымъ битвамъ,
Къ своимъ обыденнымъ дѣламъ:
Онъ ожилъ! Богъ внялъ твоимъ теплымъ молитвамъ,
Твоимъ непритворнымъ слезамъ!

Сентября 26-го.

Внялъ... Ахъ, внялъ ли? Отчего же
Молвь ростеть, что снѣжный комъ?
Отчего-жъ весь міръ про то-же

Бьетъ набать кругомъ?

Не спроста-жъ такъ всполошились
Всѣ народы, всѣ цари;
Не спроста-жъ вдругъ засвѣтились
Всѣхъ религій алтари!
Говорять, изъ за-границы
Вызванъ Лейденъ... говорятъ:
„Для чего-жъ и изъ столицы,
И отсюда такъ спѣшать
Въ дальній Крымъ къ Нему всѣ члены
Русской Царственной Семьи?..

— Не надежны перемѣны

Эти къ лучшему. Ничьи

Ни молитвы, ни желанья

Не вернуть Его намъ вновь!“—

Тихо шепчутъ сквозь рыданья

Всѣ, въ комъ горе и любовь

Вѣру въ Промыслъ побѣдила...

„Нѣтъ, не вѣримъ вамъ,—то ложь!

Пусть страшна болѣзни сила,—

Возражаютъ имъ,—пусть ножъ

Хирургіи не имѣетъ

Средствъ спасти Его: есть Богъ.

Кто изъ васъ отречь посмѣетъ

Чудо въ Боркахъ?

Смерть—у ногъ;

Смерть—кругомъ Его; смерть—рядомъ

Съ дорогой Его Женой;

Смерть—вездѣ, съ могильнымъ хладомъ,

Съ кровью жертвъ своихъ, съ тоской

Мукъ предсмертной агоніи...

И—среди всѣхъ ихъ, неведимъ,

Онъ и съ Нимъ всѣ дорогіе,
Всѣ излюбленные Имъ...
Кто свершилъ то, маловѣры,
Тотъ и вновь свершить то могъ.
Что живѣй, чѣмъ свѣточъ вѣры?
Кто сильнѣй, чѣмъ Руси Богъ? "...

Октября 2-го.

Снова хуже: опять бюллетени... А, вотъ,
И наказъ отъ Синода...

Во храмы!

Весь во храмы скорѣй, православный народъ!
Закурились кадилъ фиміамы;
Засвѣтились огни; зазвучали мольбы
О спасеньи Царя и Россіи,
И, что море въ грозу, подъ ударомъ судьбы
Всколыхнулись всѣ русскія выи.
Твердъ нашъ старый солдатъ. Закалились въ бояхъ
Ихъ сердца, загрубѣли ихъ лица,
А теперъ, то и знай, и у нихъ на глазахъ
Блещутъ искорки слезъ. Вся столица,
Какъ тогда, приняла вновь не сродный ей видъ:
Все мертво, только живы лишь храмы;
Только утромъ толпа вокругъ кіосковъ кишить;
Только крикъ: „Бюллетень! Телеграммы!“
Всѣхъ какъ будто на мигъ оживить, и опять
Та же тишь, тѣ же хмурыя лица...
Я не стану о Немъ бюллетеней читать:
Бюллетень о Немъ—всѣ, вся столица.
Что-жъ сдѣлалъ Онъ? Чѣмъ—мало всей Россіи—
Чѣмъ міру цѣлому Онъ вдругъ такъ дорогъ сталъ?
Тѣмъ, что въ тринадцать лѣтъ, всѣ нити міровыя
Держа въ рукахъ Своихъ, ни Самъ ихъ не порвалъ,
Ни всѣмъ стремившимся порвать ихъ не дозволилъ;
Тѣмъ, что весь міръ при Немъ въ тринадцать лѣтъ не
пролилъ

Ни капли крови... Тотъ, Кто могъ, Кто въ правѣ былъ,
Куда хотѣлъ, вести сто двадцать милліоновъ
Живыхъ людей и,—вѣрный стражъ законовъ,—
Всѣхъ, какъ отецъ дѣтей своихъ, любилъ
И велъ лишь къ счастью; Кто громовержца громы
Держалъ всю жизнь въ рукахъ лишь для того,
Чтобъ доказать яснѣ аксіомы
Всѣмъ миролюбіе народа Своего;
Кто, слыша вокругъ Себя такъ много лжи, какъ въ маломъ,
Такъ и въ большемъ, всю жизнь правдивъ былъ до конца;
Кто могъ всю жизнь Свою служить всѣмъ идеаломъ:
Царямъ—Царя, намъ—Мужа и Отца,—
Тотъ стоитъ большаго, чѣмъ чувства сожалѣнья;
Тотъ на любовь всѣхъ странъ имѣетъ больше правъ,
Чѣмъ всѣ правители тѣхъ странъ безъ исключенья!..
И Онъ стяжалъ ее.

Октября 8-го.

Сегодня телеграфъ
Принесъ намъ вѣсть, которой вся Россія
Не можетъ даже и въ такія
Минуты скорбныя съ восторгомъ не внимать.
Еще два дня, и Крымъ опять
Весь вздрогнетъ радостно, весь пышно уберется
Въ гирлянды зелени, во флаги и цвѣты...
Счастливый Крымъ! Еще два дня—и ты
Увидишь Ту, съ Кѣмъ Русь душой сольется:
Какъ съ новой Дочерью земли своей—теперь,
Какъ съ новой Матерью всѣхъ царствъ Ея—
въ грядущемъ!..

Октября 9-го.

Все то же, что вчера: потеря аппетита;
Упадокъ силъ; бессонница; отекъ
Обѣихъ ногъ... Всѣ близкіе, вся свита,
Живутъ минутами, безъ сна, полны тревогъ,

Переходя отъ страха къ опасеню,
Отъ опасенія къ надеждѣ—и опять
Къ тому-же страшному безвѣстности томленью...

Кто-жъ въ состояніи словами передать
Что съ Ней, съ Страдалицей Женой Его? Что съ Сыномъ?
Съ Тѣмъ, Кто безстрашно такъ ввѣрялъ морскимъ пучинамъ
Свою судьбу; Кто мало жизнь людей
Во всѣхъ видахъ ея, во всѣхъ подлунныхъ странахъ,
Кто даже смерть Свою видалъ ужъ разъ, и въ ранахъ,
Весь кровью облитый, не дрогнулъ и предъ ней?

Октября 10-го.

Я сегодня иначе настроенъ,
Я бросаю минорный свой тонъ;
Я за жизнь Его нынче спокоенъ:
Мнѣ приснился пророческій сонъ.

Мнѣ снилось: далекаго Крыма долины,
Миндальныхъ деревьевъ лѣса,
И горъ отдаленныхъ сѣдя вершины,
Ушедшія въ высь, въ небеса...
Кругомъ все и счастьемъ, и жизнью дышало;
Природа цвѣла, какъ весна,
И слухъ мой, незримая взорамъ, ласкала
Бурливаго моря волна.
Ласкала и пѣла. И вдругъ въ этомъ пѣньѣ
Я голосъ живой услыхалъ:
„Воспрянь, маловѣрный! Отбрось всѣ сомнѣнья:
Господь Ему жизнь даровалъ!

Октября 11-го.

Не зря такъ вѣрилъ я въ свой вѣщій сонъ.
Не лжива
Разгадка сна того. Онъ будетъ вновь здоровъ:
Въ ночь на десятое Онъ спалъ безъ перерыва
И безъ тревогъ спокойно пять часовъ.

Октября 12-го.

Три новыхъ

Извѣстья радостныхъ: явился аппетитъ;
Онъ снова спалъ; Онъ всталъ бодрѣй на видъ,
И сердце правильнѣй... Все, все, какъ у здоровыхъ!
Лишь ногъ отекъ еще все тотъ же. Но отекъ
Отеку рознь... пройдетъ и онъ. Прибывшій
Благодарить Его, профессоръ Грубе, бывшій
Самъ той же самою болѣзнью боленъ, могъ
Насъ всѣхъ увѣрить въ томъ. А это улучшение—
Еще нагляднѣе.

Творецъ! Благодаримъ,
Благодаримъ Тебя за исцѣленье
Его! Благодаримъ не именемъ своимъ,
Не отъ себя, ни даже отъ Россіи,—
Отъ міра цѣлаго, отъ всѣхъ Твоихъ дѣтей!
Ты міру—миръ, Ты заповѣдь Мессіи
Съ Нимъ сохранилъ намъ всѣмъ на много дней...

Октября 18-го.

Что-жъ это?.. О, Господи! Что съ Нимъ?.. Опять
Несчастье: инфарктъ; выдѣленье
Крови... А я... я, безумецъ, мечтать
Ужъ смѣлъ объ Его исцѣленьи!..

О, Боже! Но сжался, но внимли:
Рукой всемогущей Своей отстрани
Отъ устъ Его смертную чашу
И дай Ему долгіе, долгіе дни
Зрѣть вѣру и преданность нашу!

Октября 19-го.

„Пульсъ слабъ; отеки ногъ значительнѣй; дыханье
Затруднено; ознобъ. И аппетитъ, и сонъ
Совсѣмъ потеряны, и кровоизліянье
Усилилось. Исходъ сомнителенъ“... Нѣтъ! онъ

Ужъ не „сомнителенъ“, а несомнѣненъ... Боже!
Ты лучше вѣдаешь, что людямъ, намъ, нужнѣй;
Но Ты же вѣдаешь и то, что духъ людей
И слабъ, и немощенъ... Воззри-жъ на это ложе,
На скорбь Семьи Его, на насъ,
На всю страну Его, на горе всѣхъ народовъ,
Всѣхъ вѣръ, всѣхъ образовъ правлений и всѣхъ расъ!
Ужъ я не жду, увы, теперь иныхъ исходовъ:
Я знаю—это смерть. Я вижу, какъ она
Идетъ къ одру Его, холодная, нѣмая,
Неумолимая...

Страна моя родная—
Несчастливая страна!

Октября 20-го. Вечеръ.

Все кончено: „Въ Бозѣ спокойно почилъ“.
Господь! Упокой со святыми
Безсмертную душу Того, Кто носилъ
Завѣтъ Твой предъ всѣми живыми!

Творя Свою волю предвѣчную,
Моленій земли не отринь:
Даруй Ему жизнь безконечную—
И вѣчную, вѣчную, вѣчную
Великую память...

Аминь.

Октября 21-го.

Свершилось... Скрестились державныя руки...
Съ печатью могилы нѣмой,
Недвижный лежитъ Онъ безъ скорби, безъ муки,
Закончивши путь Свой земной.

„Я чувствую: близокъ конецъ—и спокоенъ.
Спокойна будь также и Ты“...
Сказалъ Онъ. И, точно, спокойно, какъ воинъ
На битву, за грань той черты,

Что смерть отдѣляетъ отъ жизненной муки,
Ушелъ въ тотъ же день. И крестомъ
Недвижно скрестились державныя руки
На сердцѣ державномъ. Кругомъ
И стонъ, и рыданья... А Онъ и изъ гроба,
Какъ будто всѣмъ хочетъ сказать:
„О чемъ вы? И Я, и Она—Мы съ Ней Оба
Спокойны. Не мѣрь наказать,
Не Русь обездолить желалъ Всемогушій,
Отнявъ у васъ духъ Мой... О, нѣтъ!
Я сдѣлалъ, что сдѣлать былъ долженъ. Идушій
За Мной, воспріавъ Мой завѣтъ,
Съ престоломъ и долгъ Мой, и крестъ Мой приѣмлетъ:
Онъ Самъ вамъ сказалъ это всѣмъ.
И Богъ Его слышалъ, и мѣрь Ему внемлетъ,
И Русь Ему вѣритъ“...

Октября 22-го.

Его ужъ нѣтъ... Вся въ траурной одеждѣ
Первопрестольная; безмолвствуетъ народъ;
Рыдаетъ мѣдъ церковей, а сердце, какъ и прежде,
Еще не вѣритъ все... Не вѣритъ все—и ждетъ.
И слухи странные идутъ вездѣ въ народѣ.
Молва успѣла ужъ донести, что надъ дворцомъ,
Въ ночь на двадцатое, на ясномъ небосводѣ,
Въ лампадахъ звѣздъ, разубранномъ кругомъ,
Недвижно, черное и съ крышкой гробовою
По виду сходное, пугая всѣхъ собою,
Висѣло облако. Двадцатаго-жъ, въ Москвѣ,
Какъ разъ въ тотъ часъ, въ который Онъ скончался,
Дискъ солнца словно вдругъ раздался,
И изъ него, всѣмъ видимымъ снопомъ,
Забилъ лучей фонтанъ. Забилъ... взлетѣлъ... сомкнулся—
И высоко въ синь неба протянулся
Гигантскимъ, огненнымъ пылающимъ столбомъ...

Объ этомъ знаменьи мнѣ въ тотъ же день случайно
Монахъ на Троицкомъ подворьѣ разсказалъ,
Еще тогда, когда никто не зналъ,
Что было тамъ, въ Крыму...

Необычайно—

И знаменательно: два чуда! И народъ,
Внимая слухамъ тѣмъ, безмолвствуетъ—и ждетъ.
И флаги черные какъ будто бы застыли—
И тоже ждуть... Лишь скорбный перезвонъ
Колоколовъ—одинъ, устами страшной были:
„Не ждите третьяго!“ гудить со всѣхъ сторонъ.

Октября 24-го.

Всѣ злобы дня, всѣ помыслы земли
Съ ея тревогами и дразгами дневными
Отъ всѣхъ сердецъ какъ будто отошли
Куда-то въ мракъ: все полно—Имъ и Ими.
Идешь-ли улицей, войдешь-ли въ Божій храмъ,
Сидишь-ли съ близкими, читаешь-ли газету:
Вездѣ—все Онъ; вездѣ, и здѣсь, и тамъ—
Все лишь о Немъ! И съ каждымъ мигомъ свѣту
Понятнѣй и яснѣй становится все то,
Что иль не понято, иль понято невѣрно
Имъ было ранѣе, о чемъ досель никто
И не слыхалъ изъ насъ...

Какъ глубоко безмѣрно

Любилъ Онъ Русь! Какой гигантскій трудъ
Несъ на плечахъ Своихъ! Бывало,
Когда вокругъ Его все сладко, мирно спало;
Когда и каторжникъ, и тотъ себѣ пріютъ
Въ объятыхъ сна свивалъ; когда весь міръ казался
Тѣмъ царствомъ сказочнымъ, гдѣ каждый, какъ стоялъ,
Такъ, зачарованный, недвижимъ и остался,—
Въ томъ царствѣ сказочномъ не спалъ
Одинъ лишь; лишь въ одномъ дому огонь свѣтился;
Въ одномъ Одинъ за всѣхъ насъ Онъ трудился:
И этотъ Онъ—былъ Царь! И домъ тотъ былъ—дворецъ!..

И вотъ, минула ночь послѣдняя... А утромъ,
Едва заря, играя перламутромъ
И блескомъ радуги, ворвалась во дворецъ,
Онъ говорилъ уже: „Предчувствую конецъ;
„Спокоенъ; будь и Ты спокойна“... Приобщился;
Велѣлъ собрать Семейю; давалъ
Совѣты Первенцу, Женѣ. Потомъ призвалъ
Опять любезнаго всей Руси Іоанна
Кронштадтскаго, опять молился съ нимъ...

На мигъ

Какъ будто вдругъ бодрѣй сталъ, оживился,
Всѣхъ бѣглымъ взглядомъ вразъ окинулъ—и склонился
Безмолвно на руки Супруги и Того,
Кому вручалъ всю Русь, вручивъ Имъ и послѣдній
Предсмертный вздохъ Свой...

Смерть закончила борьбу;

Жизнь замерла. И тихо, какъ въ гробу,
Вдругъ стало въ комнатѣ, и въ этой, и въ сосѣдней,
И въ остальныхъ... И тихо надъ дворцомъ,
Зарѣявъ въ воздухѣ, штандартъ полуспустился...
И тихо-тихо весь народъ, что вкругъ столпился,
Вразъ осѣнилъ себя крестомъ...

Октября 27-го.

Онъ опять ѣдетъ къ намъ
Вновь по тѣмъ же путямъ,
По какимъ уѣзжалъ такъ недавно,—
Ѣдетъ вновь межъ родныхъ,
Мимо тѣхъ же святыхъ
Храмовъ Руси Своей православной,

Мимо рѣкъ и лѣсовъ,
Мимо горъ и луговъ,
Сплошь въ цвѣтушія травы увитыхъ;
Мимо селъ и станицъ,
Городовъ и столицъ
Древнихъ княжихъ родовъ именитыхъ

И Ордынскихъ владыкъ,—
Бдетъ такъ же великъ,
Даже больше, чѣмъ былъ, уѣзжая.
Но не съ хлѣбомъ въ рукахъ,
Не съ трезвономъ въ церквахъ,
Не съ „ура“, какъ тогда, провожая,
Ждетъ народъ свой кумиръ.
Не на свадебный пиръ—
На Свою похоронную тризну,
Съ миромъ смерти на лбу
Въ неприглядномъ гробу
Онъ спѣшитъ въ Свою „землю-отчизну“.

И недвижимъ, и нѣмъ,
Не смущаемъ ничѣмъ,
Тихо спитъ бездыханный, холодный,
Съ посинѣлымъ челомъ
Въ томъ гробу роковомъ,
Безучастный къ тоскѣ всенародной.

И не взглянетъ ужъ вновь
Онъ—весь миръ и любовь—
Сквозь зеркальныя стекла вагона;
Не кивнетъ головой
И державной рукой
Не отдастъ на поклонъ всѣмъ поклона.

И недвижимъ, и нѣмъ,
Не смущаемъ ничѣмъ,
Онъ лежитъ бездыханный, холодный,
Съ миромъ смерти на лбу
Въ томъ холодномъ гробу,
Безучастный къ тоскѣ всенародной.

Тихо-тихо ползетъ
Все впередъ и впередъ
Страшный поѣздъ съ вагономъ печальнымъ...
И у всѣхъ на умѣ:
„Въ той ли черной тюрьмѣ,
Въ томъ ли склепѣ нѣмомъ погребальномъ,

И, молясь, и любя,
Всѣ мы ждали Тебя?
И изъ глазъ у всѣхъ слезы сбѣгаютъ,
И всѣ, молча кругомъ,
Божьимъ скорбнымъ крестомъ
Скорбно лица себѣ осѣняютъ;
И всѣ шепчутъ съ тоской
Ему вслѣдъ: „Упокой,
Боже, душу Страдальца святого!
Вознеси Его въ рай...
Дорогой нашъ, прощай...
До земли—до свиданья иного!..“

Октября 30-го.

Я пережилъ много извѣстныхъ людей,
Оплаканныхъ Русью и мною.
Я шелъ за гробами двухъ славныхъ царей;
Я, скорбный, съ поникшей главою;
Склонялся надъ прахомъ великихъ умовъ,
Надъ прахомъ родныхъ; мнѣ знакомы
И флеръ, и плерезы, и груди вѣнковъ,
И пушекъ протяжные громы,
И траурныхъ маршей прощальный привѣтъ,
И въ трауръ увитыя зданья...
Но я никогда не видалъ, чтобъ весь свѣтъ
Въ одной эпопеи страданья,
Въ одной общей скорби, вдругъ слился въ одинъ
Аккордъ безысходнаго горя;
Чтобъ всѣ въ немъ, отъ южныхъ приполюсныхъ льдинъ
До льдовъ Ледовитаго моря,
Всѣ страны, всѣ люди всѣхъ царствъ и всѣхъ расъ,
Всѣхъ вѣръ, всѣхъ сословій и партій
Сумѣли въ тоскѣ по Одномъ въ одинъ часъ
Сродниться безъ царственныхъ хартій,

Безъ войнъ и погромовъ; чтобъ смерть со всѣхъ лицъ
Однимъ мановеніемъ властнымъ
Сорвала улыбку довольства—и ницъ
Повергла надъ трупомъ безгласнымъ...

И трупъ этотъ былъ человѣкомъ земли!
И Онъ, человѣкъ тотъ, былъ съ нами!
Былъ съ нами—и мы лишь теперь всѣ смогли
Понять, кѣмъ Онъ былъ!..

Не словами,

Не скорбною пѣснью сѣдого пѣвца
Излить все то горе, тѣ пѣни,
Ту скорбь всѣхъ, которой не видно конца,
Которой нѣтъ мѣръ... На колѣни!

Во храмы! Сольемъ всѣ молитвы свои,
Всѣ слезы надъ Прахомъ Державнымъ
Съ слезами всей скорбной державной Семьи
И новымъ Царемъ Православнымъ!

Сольемъ и воскликнемъ: „Не мертвъ Тотъ, Кого
Весь міръ не забудетъ до вѣка!“
И дружно сплотимся вокругъ Сына Его,
Вкругъ Сына Царя-Человѣка...

Дерзай, Императоръ! Щадя и любя,
Правь Русью, будь твердъ подъ грозою,
Будь кротокъ въ дни мира,—мы всѣ вокругъ Тебя,
Мы всѣ—за Тебя и съ Тобою!

Н. Пушкаревъ.

XXI *).

Словно какъ саваномъ, бѣлыми тучами
Горы окуталъ туманъ,
Синее море, волнами кипучими,
Поднялъ съ дождемъ ураганъ.
Стонетъ, волнуется море мятежное,
Нѣтъ въ немъ былой тишины...
Словно ты поняло, море безбрежное,
Горе родной стороны!

Вл. Гиляровскій.

Ялта, 20 октября 1894 года.

*) „Новое Время“ 1894 г., № 297. Наканунѣ и въ день кончины въ Бозѣ почивающаго Государя Императора погода испортилась: шелъ дождь, вылъ вѣтеръ, бушевало море. Природа словно оплакивала надвигавшуюся смерть Вѣнценоснаго Страдальца.

XXII.

ПАМЯТИ ЦАРЯ-МИРОТВОРЦА *).

То не солнце закатилось
За лѣса и горы,
То смежилъ Монархъ любимый
Царственные взоры.

То не буря небо кроетъ
Тьмою непогодной,
Слезы очи застилаютъ
Въ скорби неисходной.

То не вѣтеръ налетѣвшій
Надъ полями завываетъ,
А народъ царя родного
Съ плачемъ воспоминаетъ.

И, забывши шумъ тревожный
Повседневной битвы,
За Него къ Престолу Бога
Шлетъ свои молитвы.

За Него, Отца народа,
Давшаго свѣтъ мира,
Всѣхъ племенъ и всѣхъ народовъ
Свѣтлаго кумира!

Леонидъ Афанасьевъ.

* „Свѣтъ“ 1894 г., № 286.

XXIII.

НА СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III *).

Его томилъ давно недугъ,
Пугая тьмой могильной ночи,
И, испытавъ всю тяжесть мукъ,
Смежилъ Онъ царственныя очи.

Раскаты бурь и жизни золь
Онъ поборолъ безъ жертвъ и битвы
И съ миромъ въ вѣчность отошелъ
Подъ шепотъ сладостной молитвы.

Душа не дрогнула. Онъ зналъ,
Онъ видѣлъ смерти приближенъе,
И съ рѣдкимъ мужествомъ встрѣчалъ
Судьбы конечное рѣшенъе.

И, осѣнивъ Себя крестомъ,
Пріявъ Святую Кровь и Тѣло,
Ушелъ Онъ съ радостнымъ челомъ
Изъ міра грѣшнаго предѣла.

Какъ рѣдкій Царь и какъ Отецъ,
Ревнитель мира и покоя,
Онъ далъ намъ счастья вѣнецъ
И благоденствіе земное.

*) „Свѣтъ“ 1894 г., № 252. Кончина Императора Александра III была праведна, какъ праведна была Его жизнь. Въ послѣдніе дни передъ смертью Онъ неоднократно приобщался Св. Тайнъ. Въ четвергъ, 20 октября, въ день кончины, Онъ дважды причастился: утромъ—у своего духовника протопресвитера Янышева и позднѣе — у о. Іоанна Кронштадтскаго, который напутствовалъ Умиращаго молитвой и помазаніемъ Св. Елеемъ. Государь въ Бозѣ почилъ въ 2 ч. 15 м. по полудни на рукахъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны и Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, окруженный всею Своей семьей, въ комнатѣ рядомъ съ кабинетомъ Императрицы, во второмъ этажѣ Малаго Ливадійскаго дворца.

Онъ покорялъ людей сердца
Умомъ и правдой неподкупной,
И отъ вражды съ войной преступной
Стремился къ братству до конца.

Скончался Онъ, и силы Божьи
Сошли хранить Его покой.
Склонились скалы у подножья,
И море ластится волной.

Сады задумчивой Тавриды
Надъ Нимъ кадятъ свой фимиамъ,
И соловьи по вечерамъ
Слагаютъ пѣсни въ панихиды.

А солнца розовый закатъ
И волны южнаго залива,
Храня покой Его ревниво,
Ему о небѣ говорятъ.

И Онъ лежитъ, и молча внемлетъ,
Мечтами сладостными полнъ,
И тихій сонъ Его объемлетъ
Подъ многозвучный говоръ волнъ.

Леонидъ Афанасьевъ.

XXIV.

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III *).

Навѣки Онъ почилъ! Семьею окруженный,
Уснулъ сномъ праведнымъ Великій Семьянинъ!
Народъ оцѣпенѣлъ, какъ громомъ пораженный:
Не стало вдругъ Его, скончался Властелинъ!
Тринадцать слишкомъ лѣтъ святой Онъ Русью правилъ.
Рукой могучею Онъ миръ намъ сохранялъ,
И міръ славянскій чтить Европу всю заставилъ,
И, какъ святой пророкъ, за правду Онъ стоялъ.
И „Миротворцу“ Русь, въ порывѣ благодарномъ,
Въ своемъ могуществѣ, воздвигнетъ славы храмъ,
И лѣтопись о Немъ въ сіяньи лучезарномъ
Сказанье передастъ грядущимъ временамъ.

М. Колонна.

*) „Свѣтъ“ 1894 г., № 293

XXV *).

Ницѣ! О, ницѣ предѣ этимъ ликомъ!
 Это блѣдное Чело
 Въ дѣлѣ царственномъ великомъ,
 Какъ примѣръ другимъ владыкамъ,
 Было мирно и свѣтло...
 Въ затрудненіи суровомъ,
 Съ вѣрой въ Господа-Христа,
 Сколько разъ разумнымъ словомъ
 Русь спасали, какъ покровомъ,
 Эти блѣдныя уста!
 Если даль была туманна,
 Этотъ взоръ смотрѣлъ впередъ
 Неуклонно, неустанно—
 И гроза лиха, нежданна,
 Миновала весь народъ...
 Твердой, мощною Десницей
 Взять былъ скипетръ золотой:
 Ночи мчались надъ столицей,
 Дни летѣли вереницей—
 Все въ заботѣ трудовой...
 И разсѣялись невзгоды,
 И въ блаженной тишинѣ
 Царь узрѣлъ благіе годы
 И счастливые народы
 Въ дорогой своей странѣ...
 И—оставлена порфира...
 И въ печальный смутный часъ
 Миротворецъ въ царство мира,
 Въ голубую высь эфира,
 Улетѣлъ, покинувъ насъ!..

В. Петровичъ.

*) „Живописное обозрѣніе“ 1894 г., № 46.

XXVI *).

Повсюду плачъ, повсюду скорбный звонъ!
Печальный день—померкла наша слава:
Великій Царь оставилъ русскій Тронъ,
Изъ рукъ могучихъ выпала Держава...

Но не умретъ величіе Царя,
Не позабудется священная десница!
И въ книгѣ царствъ земного бытія
Его правленіе—свѣтлая страница.

Онъ безъ войны былъ славой вознесенъ,
Какъ грозный Вождь, сей чудный Воинъ.
Его величьемъ озаренъ,
Мятежный западъ былъ спокоенъ.

Суровый Стражъ отчизны дорогой,
Онъ охранялъ ея свободу
И руку жалъ Монаршею рукой
Другому славному народу.

Теперь Монархъ почилъ отъ всѣхъ заботъ,
Холодный сонъ чело Его объемлетъ;
Но не покинулъ Богъ Его народъ—
И новый Царь родной престолъ пріемлетъ.

А. К.

*) „Отдѣльный листокъ“ 1894 г.

XXVII.

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III,
ВЪ БОЗЪ ПОЧИВШЕМУ *).

Вдругъ осиротѣла родина святая,
Пронеслось извѣстье изъ конца въ конецъ!..
Плачь, моя отчизна! плачь, моя родная!—
Умеръ Царь-Надежа, умеръ Царь-Отецъ!

Жизнь Его сіяла радостно и ясно,
Шла въ борьбѣ съ неправдой, злобой и враждой,
Тихо, безмятежно, но могуче-властно,
Какъ потокъ широкій, грозною волной.

Не мечемъ булатнымъ, а святой любовью
Злобу и неправду міра покорилъ,
Въ мірѣ миръ поставилъ и напрасной кровью
Родины любезной Онъ не обагрилъ.

Встанемъ на молитву! встанемъ на колѣни
И на прахъ любимый устремимъ свой взглядъ!
Нѣтъ Его!.. но съ нами всѣхъ дѣяній тѣни
О Царѣ великомъ ясно говорятъ.

Мудро и любовно Онъ отчизной правилъ,
И при Немъ блеснула новая заря,
Стихли всѣ Державы и весь міръ прославилъ
Матушки Россіи Бѣлаго Царя.'

Безъ меча окрѣпла наша Русь святая,
Жезлъ любви и мира охранялъ вѣнецъ...
Плачь, моя отчизна! плачь, моя родная!
Умеръ Царь-Надежа, умеръ Царь-Отецъ!

С. П. Киснемскій.

*) „Свѣтъ“ 1894 г., № 250.

XXVIII.

НА СМЕРТЬ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА III *).

Великая, ужасная утрата!
Лишилась Русь любимого Царя,
Звѣзда навѣкъ скатилась безъ возврата,
Россія вся опять у алтаря.

Съ какимъ вниманіемъ тревожнымъ мы слѣдили
За переходами болѣзни роковой!
Съ какимъ усердіемъ мы Господа молили
О возвращеніи намъ жизни дорогой!..

Все кончено теперь... Безсильны всѣ желанья
Предъ волей всемогущею Небесъ,—
Угасъ свѣтильникъ нашъ средь полного сіянья,
Угасъ онъ навсегда и лучъ его исчезъ!..

Помолимся-жъ теперь Создателю вселенной,
Чтобъ успокоилъ Онъ духъ царственный Его
Тамъ, въ вѣчныхъ небесахъ, въ обители блаженной,
Гдѣ славятъ ангелы Святое Божество!

Чтобы душа Его, Россіи дорогая,
И тамъ, на небесахъ, заботилась о ней
И чтобы Сынъ Его, на тронѣ воссѣдая,
Былъ продолжателемъ Его благихъ идей.

Андрей Вороховъ.

*) „Свѣтъ“ 1894 г., № 251.

ПАМЯТИ ЦАРЯ-МИРОТВОРЦА *).

День угасалъ безмолвно и печально,
 Сгущалась тучъ угрюмая семья,
 Блеснулъ на мигъ заката свѣтъ прощальный—
 И въ мракъ ночной окуталась земля.
 Душа рвалась и сердце тосковало,
 Надежда лучъ гасила за лучемъ...
 И пробилъ часъ, ударилъ Божій громъ,
 Примчалась вѣсть: Царя не стало!
 Онъ умеръ тамъ, гдѣ небосводъ
 Не омраченъ осенней мглою,
 Гдѣ солнце яркій свѣтъ свой льетъ
 Надъ зеленѣющей землею.
 Но чары пламеннаго юга,
 Цвѣтущей, радостной земли,
 Его смертельнаго недуга
 Уже ослабить не могли—
 И Онъ угасъ...

Велѣньямъ Бога

Покорна русская страна
 И малодушною тревогой
 Въ сей мигъ не будетъ смущена.
 Предъ нею путь—широкъ и ясенъ,
 Надъ нею—свѣтлая заря:
 Великъ, безсмертенъ и прекрасенъ
 Завѣтъ усопшаго Царя!
 Созрѣетъ скоро пышный колось
 И время жатвы возвѣститъ,
 И мнится намъ, не здѣшній голосъ
 Съ высотъ надзвѣздныхъ говорить:

*) „Сынъ Отечества“ 1894 г., № 285.

„Минуло время роковое
Броженья темныхъ, злобныхъ силъ,
Лучъ кроткій мира и покоя
Россію свыше озарилъ.
Изъ мрака тяжкихъ испытаній,
И заблужденія, и бѣдъ,
И неосмысленныхъ исканій—
Онъ вывелъ Русь на правый слѣдъ.
И мощь ея—не въ славѣ бранной,
Добытой въ прахъ и крови:
Она—въ работѣ неустанной
Во имя Мира и Любви“...

К. Медвѣдскій.

XXX.

20-Е ОКТЯБРЯ 1894 ГОДА *).

„Блажены миротворцы, ибо они будут наречены Сынами Божиими“.

Матѣ., V, 9.

Плачь и молись, о Русь святая!
Тебя испытываетъ Богъ:
Любимый Царь родного края
Въ предсмертныхъ мукахъ изнемогъ!

Давно въ тревогѣ и волненьи,
Его недугомъ смущены,
Слѣдили каждое мгновенье
За Нимъ сердца родной страны...

Молитвы жаркія звучали,
Надежды лучъ Россію грѣлъ,
Но вотъ настали дни печали:
Свѣтильникъ мира догорѣлъ!

Среди красотъ роскошныхъ юга,
Подъ грустный шумъ волны морской,
Въ объятыхъ страшнаго недуга,
Прощался съ жизнью Онъ земной...

Шептали лавры и мимозы
Надъ Нимъ задумчиво въ тотъ мигъ,
И раздавались чьи-то слезы
Въ немолчномъ шумѣ волнъ морскихъ...

То зарыдалъ нашъ край родимый,
Услышавъ горестную вѣсть:
Угасъ въ мученьяхъ Царь любимый—
Россіи крѣпость, слава, честь!

*) „Южный Край“ 1894 г., № 4739.

Была пора: облитый кровью,
Убить былъ гнусною рукой
Царь, свѣтомъ, правдой и любовью
Животворившій край родной! *)

И въ это страшное мгновенье,
Когда весь міръ былъ потрясенъ,
Когда Отецъ угасъ въ мученьи,
Любимый Сынъ взошелъ на тронъ.

Но безъ смущенья, безъ тревоги,
Бразды правленія Онъ взялъ
И смѣло по прямой дорогѣ
Вести Онъ Русь святую сталъ.

Не славой подвиговъ военныхъ
Онъ озарилъ свой край родной:
О, нѣтъ! подъ властью чувствъ священныхъ
Стремится къ цѣли Онъ иной...

Войны испытывалъ Онъ грозы **),
Онъ стонамъ раненыхъ внималъ,
Дѣтей и вдовъ Онъ слышалъ слезы
И самъ отъ бурь войны страдалъ.

Извѣдавъ ужасы и бѣды,
Какіе можетъ дать война,
Онъ зналъ, что лаврами побѣды
И такъ увѣнчана страна.

Не сотворивъ себѣ кумира
Изъ громкихъ подвиговъ войны,
Онъ свѣтомъ благодного мира
Путь озарилъ родной страны.

*) Смерть Александра II, убитого на Екатерининскомъ каналѣ 1-го марта 1881 года.

**) Въ бытность Императора Александра III, тогда еще Наслѣдника Престола, командиромъ Рушукскаго отряда въ 1877—78 г.г.

Народа нужды и печали
Онъ чуткимъ сердцемъ постигалъ.
Когда сыны Его страдали,
Онъ, какъ Отецъ, за нихъ страдалъ...

Не разъ надъ Русскою землею
Сгушался мракъ зловѣщихъ тучъ *),
Но подъ Державною Рукою
Въ родномъ краю былъ миръ могучъ.

И мира этого сіянье
Военныхъ подвиговъ сильнѣй
Смирало пылкія желанья
И жаръ воинственныхъ идей.

Весь міръ, оружіемъ потрясая,
На царство Русское смотрѣлъ,
Но, слову Царскому внимая,
Пошевелинуть рукой не смѣлъ **).

Почуявъ эту власть святую,
Власть правды, мира и любви,
Смиралъ Онъ пылкость боевую
И жажду славы и крови.

И Русь еще сильнѣе стала:
Исполненъ весь могучихъ силъ,
Ее сіяньемъ идеала
Царь-Миротворецъ озарилъ.

Въ душѣ высокой, благородной
Таилась сказочная ширь,
И былъ звѣздою путеводной
Отчизнѣ Царь нашъ богатырь!

*) Кушкинскій эпизодъ въ 1885 году, настроеніе Англии, паденіе кабинета Гладстона, назначеніе кабинета торіевъ во главѣ съ Сольсбюри.

**) Тучи военной грозы собирались на западномъ горизонтѣ въ 1891 году.

Онъ идеальнымъ Семьяниномъ,
Для всѣхъ Онъ насъ примѣромъ былъ,
Мы шли за мощнымъ Исполиномъ,
Мы шли, полны великихъ силъ!

* *
*

Но часъ пробилъ,—нашъ Свѣтлый Геній,
Какъ лучъ прекрасный, догорѣлъ:
Прервавши цѣпь земныхъ мученій,
Онъ тихо въ вѣчность улетѣлъ!
Блѣднѣетъ мысль... Смолкаетъ слово
Предъ этой вѣстью роковой...
И, полный ужаса нѣмого,
Облекся въ трауръ край родной.

* *
*

Смирись предъ Божіей Десницей,
Святая Русь! Передъ тобой
Въ печали съ Матерью-Царицей
Явился Царь нашъ молодой...

Царица-Мать въ безмѣрной мукѣ
Съ Дѣтьми рыдаетъ надъ Отцомъ
И къ небу простираетъ руки
Съ молитвой жаркой предъ Творцомъ...

Молись же, Русь, чтобъ утѣшенье
Господь въ печали Имъ послалъ
И чтобъ Отцу успокоенье
Въ селеньяхъ райскихъ даровалъ!

Да будетъ свѣтомъ вѣчной славы,
Всегда сіять родной землѣ
Монарха образъ величавый
Съ печатью мира на челѣ!

Василій Ивановъ.

Харьковъ,
21-го октября.

XXXI.

ДНИ СКОРБИ *).

I. ЛИВАДІЯ.

Поникъ печально кипарисъ—
Поникъ, какъ будто отъ обиды...
И плющъ къ валамъ шумящимъ внизъ
Въ нѣмомъ безсиліи повисъ
Съ утесовъ сумрачной Тавриды...
И виноградниковъ густыхъ
Поблекла свѣжесть молодая,
И горный ключъ въ тоскѣ затихъ,
Въ лучахъ полудня золотыхъ
Струей холодной убѣгая.
Безмолвны хмурыя суда
Во мглѣ разгнѣваннаго моря;
Кипитъ зеленая вода,
И, исчезая безъ слѣда,
Валы бѣгутъ, сурово споря...
Порою выстрѣлы звучать,
И ихъ угрюмымъ отголоскамъ
Угрюмо вторить даль громадъ,
И отвѣчаетъ водопадъ
На скорбь людскую тихимъ всплескомъ!
А тамъ, гдѣ полонъ пышный храмъ
Толпой колѣнопреклоненной
И облаками еиміамъ
Летитъ, синѣя, къ небесамъ,
Огнемъ лампы освѣщенный,—
Тамъ пѣснопѣніе звучитъ,
Перемежаясь съ тихимъ плачемъ,
И звукамъ скорбныхъ панихидъ
Внимаетъ умъ, тоской убитъ,

*) В. Лебедевъ. Дни скорби, СПб., 1894 г. (отдѣльное изданіе).

Томясь отчаяньемъ горючимъ...
Тамъ, передъ блѣдною толпой,
Смеживъ измученныя вѣки,
Онъ, полонъ думы неземной,
Онъ, взятый смертью роковой,
Почилъ, утраченный навѣки...
И клиръ поетъ, и вторитъ храмъ;
Иконы блещутъ золотыя,
И сквозь душистый ѳиміамъ
Такъ ясно сердцу и очамъ,
Что здѣсь рыдаетъ вся Россія!

II. МОСКВА.

Надъ Москвой золотоголовой
Безконечный льется звонъ,
Нотой скорбной, величавой
Онъ летитъ со всѣхъ сторонъ.
Мощной бурей колокольной
И рыданьями безъ словъ
На Москвѣ, Москвѣ престольной,
Стонутъ „сорокъ-сороковъ“.
И звонитъ Иванъ-Великій,
Возвышаяся въ Кремлѣ
Гордымъ, сумрачнымъ владыкой
Съ тайной думой на челѣ...
За заставы городскія
Смотритъ вдаль онъ сквозь туманъ:
Чуетъ-чуетъ вѣсти злыя
Старый русскій великанъ...
„Сколько шума да народа!
Боже праведный, спаси—
Знать, лиха бѣда-невзгода
Народилась на Руси!..
Чу, какъ будто панихида?
Чу, рыданія столицъ?..
Даль скрывается изъ вида,
Какъ за стаяй черныхъ птицъ...

Вѣсти злыя! Вѣсти злыя!..
И луча отрады нѣтъ!
Но не бойся, Мать-Россія:
Вслѣдъ за мглой идетъ разсвѣтъ...
Тяжела твоя потеря
И тяжка печаль твоя;
Но мужайся, въ счастье вѣря
И надежду затая!..
Замолчалъ Иванъ-Великій—
И, блеснувъ изъ темныхъ тучъ,
Вдругъ надъ каменнымъ владыкой
Загорѣлся яркій лучъ,—
И людскія упованья,
Полный новыхъ чудныхъ силъ,
Какъ улыбкой сквозь рыданья,
Поддержалъ и ободрилъ!

III. ПЕТЕРБУРГЪ.

Столица невская устала;
Одна Нева грызетъ гранитъ,
Да Петръ Великій съ пьедестала
Свой городъ сумрачно хранитъ.
И лишь порой, во мракѣ ночи,
Какъ бы слезами вдругъ горя,
Морозной пылью свѣтятъ очи
Гиганта русскаго царя.
И блещутъ очи, озирая
Осиротѣлый Петроградъ,
Гдѣ въ трауръ буря снѣговая
Одѣла зданій темный рядъ.
И этой ночью, въ мигъ печали,
Не уступая гнету бѣдъ,
Гигантъ на темномъ пьедесталѣ
Живою думою согрѣтъ...
„О, городъ мой! О, исполинскій,
Любимый трудъ моей руки!

Тобою славенъ берегъ финскій
Надъ гладью сѣверной рѣки...
Передъ тяжелою утратой
Ты оробѣлъ, о, городъ мой—
Тревогой трепетной объятый,
Угрюмый, смутный и больной!
Но я—создатель твой и геній—
Я въ трудный часъ всегда съ тобой...
Несу я часть твоихъ мученій,
Порой живу твоей борьбой!..
О, не страшись! Я вѣщей думой
Всегда съ тобой, тебя храня.
Пройдетъ, исчезнетъ мракъ угрюмый,
Дождешься ты иного дня!
Молясь горячею мольбою,
Въ святой соборъ Священный Прахъ
Россія смутная съ тобою
Проводить въ горестныхъ слезахъ,—
И, возродясь душою снова,
Своею русскою душой
Къ стопамъ Владыки Молодого
Ты припадешь, о городъ мой!..

В. Лебедевъ.

XXXII.

20-Е ОКТЯБРЯ *).

Скончался... Въ смятеньи бѣгутъ всѣ узнать,
Правдивы ли слухи такіе;
Толпа за толпой начала прибывать,
И шумъ и волненье... кичливая знать
И люди смѣшались простые.

Сословныхъ различій здѣсь нѣтъ, и народъ
Сюда за однимъ весь собрался,—
Въ волненьи, съ боязнью неграмотный ждетъ,
Пока кто-нибудь изъ толпы не прочтетъ,
Что Царь безмятежно скончался,

Что тихо Онъ въ Бозѣ почилъ, и крестомъ
Съ молитвой себя осѣняетъ
И тихо отходить съ печальнымъ лицомъ...
И новыя толпы опять предъ дворцомъ,
И снова о смерти читаютъ.

Да, все это правда!.. На вѣки исчезъ
Любимый Монархъ отъ народа;
Въ заоблачный міръ сновидѣній и грезъ,
Въ безбрежное море высокихъ небесъ,
Душа поднялась на свободу.

Всю ночь и весь день съ вышины нависалъ
Надъ городомъ пологъ угрюмый,
И вѣтеръ всю ночь и весь день бушевалъ
И пѣсней своею на всѣхъ навѣвалъ
Тяжелыя, горькія думы.

*) 1894 г., отдѣльный листокъ.

Нева поднялася и грозно назадъ
Она потекла на просторъ,—
И волны, бушуя, о берегъ шумять,
И, пѣнясь, валовъ нескончаемый рядъ
Катится изъ бурнаго моря.

Спустилася темная ночь надъ рѣкой,
Но стихнуть она не хотѣла,
И такъ же, какъ днемъ, съ затаенной тоской
Катила обратно волну за волной
И пѣснь погребальную пѣла.

И тихо рыдала, почуя конецъ,
Съ тоской безграничной природа:
Не Царь это умеръ, носившій вѣнецъ,
Не Царь, а заботливый, добрый Отецъ
Погибъ навсегда для народа.

До смертнаго часа Онъ все сознавалъ,
Больной, на порогъ могилы,
Онъ Самъ государствомъ Своимъ управлялъ,
Указы послѣдніе Самъ диктовалъ
И намъ отдавалъ Свои силы.

Такъ спи-жъ безмятежно, Монархъ дорогой,
Ты въ жизни трудился не мало.
Пусть сладокъ Тебѣ будетъ сонъ вѣковой,
Дай Богъ, чтобы легкой легло пеленой
На гробъ Твоемъ покрывало!

Е. Розинъ.

XXXIII.

ГОРЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ *).

Ворономъ-птицей, зловѣщею птицей,
Вѣсть пролетѣла надъ шумной столицей—
Горькая вѣсть изъ цвѣтущаго края,
Гдѣ Вѣнценосецъ томился, страдая...

„Въ Бозѣ почилъ“! словно грянуло громомъ,—
Громомъ надъ каждою хатой и домомъ;
И подъ грозою всѣ кликнули-кликомъ
Вѣсть роковую въ смятеньи великомъ...
„Умеръ Онъ, умеръ“—слова прозвучали,
Вѣя дыханіемъ жгучей печали;
Съ Чернаго моря до Бѣлаго моря
Матушку-Русь всколыхнуло отъ горя...
„Нѣтъ Его!“—грянули горныя кручи;
„Нѣтъ Его!“—тучи взметнулись на тучи,
„Нѣтъ Его!“—всплакались волны морскія;
Въ голосъ одинъ зарыдала Россія:
Нивы безбрежныя, вольныя степи,
Пущей лѣсныхъ заповѣдныя крѣпи,
Рѣки широкія, бездны-озѣра,
Все неоглядное царство простора...
Тамъ же, гдѣ солнце привѣтнѣе грѣетъ,
Тамъ же, гдѣ глубже и небо синѣетъ,
Тамъ, гдѣ весною все розы да розы,
Гдѣ и зимой зеленѣютъ мимозы,
Тамъ, гдѣ поютъ берегамъ серенады
Волнъ черноморскихъ живыя громады,
Гдѣ въ благовонной тѣни кипарисовъ
Смотрятъ дворцы съ очарованныхъ мысовъ,—
Царь-Семьянинъ, окруженный Семьею,
Нѣ-вѣкъ простился съ родимой землею,

*) „Всемирная Иллюстрація“ 1894 г., № 1344.

Таинство смерти позналъ, за которымъ—
Царство всѣхъ царствъ, недоступное взорамъ...
„Царь-Миротворецъ!“—о Немъ говорили;
Онъ поработалъ ко славѣ и силѣ,
Силѣ и славѣ родного народа,
Съ правдой при Немъ сочеталась свобода!
Русскій по сердцу, душой—православный
Былъ Богатырь-Вѣнценосецъ державный;
Крѣпли при Немъ всѣ устои родные,
Русская Русь поднималась въ Россіи!..
Слава Его не записана кровью
Въ книгахъ судебъ надъ родимою новью,—
Знамя любви, знамя братскаго мира
Онъ водрузилъ на распутіяхъ міра!..

... Все зарыдало отъ края до края,—
Только слышалась молвь роковая,
О-земь ударилась вѣсть надъ столицей
Птицей зловѣщею, ворономъ-птицей...

Апол. Коринфскій.

XXXIV.

20-ГО ОКТЯБРЯ 1894 ГОДА.
НА ДЕНЬ КОНЧИНЫ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА III *).

Заунывный звонъ
По Руси святой,
Точно слезъ рѣка,
Разливается,
Болью острою
На душѣ, тоской
Безъисходною
Отзывается.

Заглушая звуки
Унылые,
Плачетъ Русь, склонясь
До земли челомъ,
Горько плачутъ всѣ
По Царѣ своемъ
Надъ Его недавней
Могилою!

Что-же рано такъ
Ты оставилъ насъ
И смежилъ на вѣкъ
Очи ясныя,
Точно на небѣ
Солнца свѣтъ погасъ,
И настали вдругъ
Дни ненастные.

*) „Одесскій Листокъ“ 1894 г., № 287.

Аль любовь къ Тебѣ
Не была сильна,
Аль святыхъ Твоихъ
Думъ не поняли,
Али мысль Твоя
Не была одна
На Руси всегда
Съ Божьей волею?

Нѣтъ, любовь къ Тебѣ
Велика была,
Горячо пылалъ
Огнь Божественный,
Знали: власть Твоя
Къ счастью всѣхъ вела,
Совершая путь
Свой торжественный.

Въ Царствѣ Божіемъ
Ты молишь за насъ,
А любовь Твою
Безконечную,
Миротворецъ-Царь,
Помнимъ каждый часъ,
Сохранимъ о ней
Память вѣчную.

Ты ушелъ отъ насъ,
Но оставилъ намъ
Сына Милаго,
Наше счастье,
И Онъ шествуетъ
По Твоимъ стопамъ
Съ Твоей славою,
Съ Твоей властію.

Близокъ къ Богу Ты—
Помолись о Немъ,
Что бѣ Онъ здравствовалъ
Много-много лѣтъ!
Счастье русское
Лишь въ Царѣ одномъ—
Такъ гласить святой
Вѣковой завѣтъ.

XXXV.

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА III *).

Отдавшись всѣмъ сердцемъ отчизнѣ любимой,
Принявши на плечи все бремя заботъ,
Ты шелъ неуклонно и, Богомъ хранимый,
Ты вель за Собою Свой русскій народъ.

Безъ звона кимваловъ, безъ трубнаго звука,
Спокойно и скромно свершалъ Ты дѣла
И все безъ изъятія: и миръ, и наука
Предметомъ заботъ неустанныхъ была.

Съ горячей душою нашъ Царь-Повелитель,
Болѣя за насъ всѣхъ о нуждахъ земли,
Стоялъ Ты на стражѣ, какъ Ангелъ-Хранитель,
И дни чередой незамѣтно текли.

Мы знали, что счастье родины милой
Находится въ смѣлыхъ и твердыхъ рукахъ,
И, сердцемъ спокойны, съ душой непостылой,
Ввергались предъ Господомъ въ прахъ.

И въ теплой молитвѣ съ надеждой и вѣрой
Взывали къ Творцу всѣхъ живыхъ:
Храни намъ Царя и сторицей, не мѣрой,
Воздай Ему, Боже благихъ!

Мы вновь предъ Владыкой! Стоимъ и рыдаемъ,
Но просимъ о жизни иной
И памяти вѣчной Царю мы желаемъ,
Душѣ Его—вѣчный покой!

Да дастъ Ему мѣсто на лонѣ съ святыми,
Да въ горнихъ селеньяхъ живетъ
И видитъ, какъ любить сердцаmi простыми
И чтить Его русскій народъ!

В. Кабалеровъ.

*) „Московск. Вѣдом“. 1894 г., № 285.

ПОСЛѢДНІЙ ПУТЬ *).

Въ послѣдній разъ теперь Царь ѣдетъ по Россіи
 На сѣверъ пасмурный страны Своей родной,
 И прахъ Царя-Отца рыданія глухія
 Встрѣчаютъ этою порой.
 Когда-то, чуждыя рыданій и печали,
 Любовью искренней къ Усопшему горя,
 Повсюду русскіе восторженно встрѣчали
 Силь свѣжихъ полного Царя.
 Теперь до сѣвера отъ береговъ Тавриды,
 Отъ моря южнаго, отъ многшумныхъ водъ,
 Почившаго Царя при пѣньи панихиды
 Встрѣчаетъ плачущій народъ...
 Благословенъ народъ, такъ искренно любившій
 И преданный Вождю родному своему!
 Благословенъ и Царь, безвременно почившій,
 И память вѣчная Ему!

А. Г.

*) „Московскія Вѣдомости“ 1894 г., № 297. Въ четвергъ, 27 октября, ровно черезъ недѣлю по кончинѣ Государя Императора Александра III, послѣдоваль въ 8 ч. 40 м. утра выносъ и перевезеніе Его праха изъ Большой Ливадійской церкви въ Ялту на крейсеръ „Память Меркурія“, который въ тотъ же день, въ 3 ч. 30 м. пополудни, доставилъ драгоцѣнные Останки въ Севастополь, къ желѣзнодорожной пристани въ Южной бухтѣ. Послѣ панихиды, подъ громъ салютовъ, гробъ былъ перенесенъ въ траурный вагонъ траурнаго поѣзда и поставленъ на катафалкъ. При звукахъ „Коль славень“ и грохотѣ пушекъ траурный поѣздъ отошелъ, въ 5 ч. дня, на сѣверъ, въ Петербургъ, черезъ Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тулу и Москву; непосредственно за нимъ слѣдовалъ Императорскій поѣздъ. Казалось, въ Божѣ почивающій Государь велъ черезъ всю Россію Своего Наслѣдника-Сына къ престолу предковъ. Вездѣ по пути слѣдованія траурнаго поѣзда, не только на станціяхъ и мѣстахъ остановокъ, но и вдоль полотна желѣзной дороги, собирались толпы народныя, проникнутыя истиннымъ горемъ, которыя на колѣняхъ, съ хоругвями и иконами, встрѣчали и провожали прахъ возлюбленнаго Государя. 30 октября, въ 10 ч. 30 м. утра, траурный поѣздъ прибылъ въ Москву, гдѣ, послѣ литіи, состоялось перевезеніе гроба въ Архангельскій соборъ въ Кремлѣ. Гробъ оставался тамъ для поклоненія народа до слѣдующаго утра, когда, въ 10½ ч., онъ былъ перевезенъ на Николаевскій вокзалъ, откуда траурный поѣздъ отбылъ въ Петербургъ въ 12 ч. дня.

XXXVII.

ЦАРЬ-МИРОТВОРЕЦЪ *).

Морозною ночью, подъ ризою снѣжной
Весь сѣверъ Россіи лежитъ.
Какъ огненный змѣй, по равнинѣ безбрежной
Особенный поѣздъ летитъ.

Въ срединѣ его, въ черный трауръ обитый,
Высокій, обширный вагонъ,
Гирляндами зелени весь перевитый,
И въ немъ—погребальный амвонъ.

То поѣздъ печальный. Тотъ поѣздъ уноситъ
Съ цвѣтущихъ морскихъ береговъ
На сѣверъ далекій Монарха Россіи,
Опору ея и любовь.

Въ дубовомъ гробу величаво спокойный
Лежитъ Его царственный прахъ;
Скрещеныя руки, закрытыя очи,
Безмолвіе смерти въ устахъ.

И свѣтятъ вокругъ погребальныя свѣчи
Мерцающимъ свѣтомъ своимъ.
Неслышно въ вагонѣ обыденной рѣчи.
Въ углу—аналой, и предъ нимъ

Стоитъ, окруженный извивомъ покрова,
Склонивши главу, іерей
И мѣрно читаетъ священное слово,
Завѣтъ во спасенье людей.

*) А. А. Навроцкій. „Сказанія минувшаго“. Полное собраніе русскихъ былинъ въ стихахъ. СПб., 1906 г.

Монархъ, Самодержецъ, Владыка полміра
Безгласенъ... въ гробу... недвижѣмъ.
И прахъ Вѣнценосца скрываетъ порфира;
Сіяетъ корона надъ Нимъ.

Ты мирно почилъ, побѣждая страданья,
Собравъ предъ кончиной Свой родъ
И чуя, какою сердечной молитвой
Молилъ за Тебя Твой народъ.

Далѣко, на югѣ, гдѣ Черное море
Ласкалось у Царственныхъ ногъ,
Гдѣ съ Запада гордой минувшей отвагой
Сливался лѣнивый Востокъ,

Въ тиши, окруженный любимой Семьею
И смерти не вѣдая страхъ,
Готовъ былъ предстать Ты предъ Вѣчнымъ Судьею
Съ молитвой на чистыхъ устахъ.

И стоя съ крестомъ предъ страдальческимъ ликомъ,
Тебя осѣнялъ іерей,
Котораго чтитъ глубоко вся Россія
За праведность жизни своей *).

Любви безконечной святой проповѣдникъ,
Примѣръ подавая собой,
Онъ былъ благодатный, достойный посредникъ
Межъ Богомъ-Отцомъ и Тобой.

И взоръ Твой прощальный, слезой увлажаясь,
Для жизни иной вдругъ прозрѣлъ,
И духъ Твой кристальный во царствіе Бога
На вѣки отъ насъ отлетѣлъ.

Покойся, Державный! Ты подвигъ великій
Упорно и твердо свершалъ;
И Богъ, Твою чистую душу создавшій,
Въ удѣлъ Тебѣ лучшее далъ.

*) Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій.

Ты могъ бы однимъ повелительнымъ словомъ
Миліоны людей погубить
И мирныя нивы, и грады, и села
Потоками крови залить.

Но зналъ Ты земли кровеносныя бѣды,
И вѣдалъ Ты ужасъ войны,
И видѣлъ сраженья, и видѣлъ побѣды,
И зналъ, чего стоятъ они.

Побѣдные лавры вѣнчали героевъ,
И клики гремѣли во слѣдъ
Счастливымъ, которые здравы вернулись
Съ полей многократныхъ побѣдъ.

Но сердце Твое обливалося кровью,
Когда Ты потомъ навѣщалъ
Побѣдныя жертвы и съ кроткой любовью
Слова утѣшенья вѣщалъ.

Ты помнилъ, что связано съ каждою битвой;
Ты помнилъ тѣ страшные дни,
Когда предъ Тобою покорно съ молитвой
Въ мученьяхъ кончались они—

Тѣ истые воинской славы герои,
Безвѣстныя жертвы войны,
Которымъ на долю въ объятіяхъ битвы
Лишь муки достались однѣ.

И чистый Твой духъ возмутился отъ крови,
Отъ этихъ страданій и мукъ,
Отъ стоновъ, хрипѣній и вздоховъ предсмертныхъ,
Сливавшихся въ ужаса звукъ!

И тамъ, посреди смертоносныхъ страданій,
Какъ братскаго чувства посолъ,
Ты далъ себѣ клятву быть стражникомъ мира,
Когда Ты вступишь на престолъ.

Что будешь царить Ты не славѣ въ угоду,
Не вызовешь ужасъ войны
И дашь своему исполину-народу
Труда благодатные дни.

И солнечный лучъ, возсіявъ благодатно,
Скрѣпилъ Твой обѣтныи глаголъ,
Когда Ты, Державный, въ коронѣ, въ порфирѣ,
Изъ храма Успенскаго шелъ.

И клятву сдержалъ Ты—и зорко на стражѣ
Всеобщаго мира стоялъ,
Какъ ангелъ-хранитель, когда посягатель
Нарушить его угрожалъ.

И знали враги Твоей мощной державы,
Что грозно десницей Своей
Обрушишь Ты мечъ на того, кто для славы
Дерзнетъ воспротивиться ей.

И съ злобой въ душѣ предъ Тобой трепетали
Властители, злобу тая;
Но очи народовъ съ надеждой взирали
На мощнаго силой Тебя.

Не разъ оскорбленья и мести уколы
И крупныхъ, и мелкихъ враговъ
Смущали Твой духъ; ихъ задора глаголы
Гнѣвили Державную кровь,

Когда они явной иль тайной измѣной
Рѣшались Тебя уязвлять,
Чтобъ вызвать Твой гнѣвъ; но Державную гордость
Умѣлъ Ты въ Себѣ побѣждать.

Покойся же въ мирѣ, Ты—мира хранитель
И чистый всегда и во всемъ,
Защитникъ слабѣйшихъ и правды ревнитель,
Великій въ смиреньи Своемъ.

Пріявъ необъятное царство отъ Бога,
Ты помнилъ завѣты Христа—
И жизни Твоей образцовой дорога
Была и пряма, и чиста.

Спокойный, могучій, подобный свѣтилу,
Ты чуждъ былъ порочнымъ страстямъ,
И въ людяхъ цѣнилъ цѣломудрія силу,
Примѣръ подавая имъ Самъ.

Ты новое царство въ тиши и заботѣ
Могучей рукой созидалъ;
То царство порядка и мирной работы,
Котораго міръ ожидалъ.

И память Твоя не исчезнетъ безслѣдно,
И мирная слава Твоя
Въ народныхъ сердцахъ отзовется побѣдно,
Какъ неба живая струя.

Не станетъ она исчезать, умяляться,
Но будетъ свѣтить и во мглѣ,
Пока не исчезнетъ слѣдъ братскаго чувства
Изъ сердца людей на землѣ.

Великаго дѣла Державный поборецъ,
Онъ гналъ въ преисподнюю тьму
Кровавыя распри—и Царь-Миротворецъ
Да будетъ названье Ему!

1895 г.

XXXVIII.

1-ГО НОЯБРЯ 1894 ГОДА *).

И шли, и шли они... Конца, казалось, нѣтъ
Ни людямъ, ни конямъ, ни траурнымъ знамѣнамъ;

*) „Всемирная Иллюстрація“ 1894 г., № 1345. Это стихотвореніе художественно изображаетъ картину перевезенія праха Государа Императора Александра III съ Николаевского вокзала въ Петербургъ, куда траурный поѣздъ прибылъ 1 ноября въ 10 ч. утра, въ Петропавловскій соборъ. Ко времени прихода поѣзда на платформѣ вокзала собрались: члены Св. Синода, придворное духовенство, военная свита Государя, чины Высочайшаго Двора, министры и высшіе государственные чины. По прибытіи поѣзда и по совершеніи литіи Государь Императоръ и Высочайшія Особы вынесли гробъ, который затѣмъ былъ установленъ на погребальную колесницу. При величественныхъ звукахъ „Коль славень“, перезвонъ столичныхъ колоколовъ и боѣ барабановъ колесница тронулась въ путь. За нею непосредственно слѣдовали пѣшкомъ: Государь Императоръ, Великіе Князья, иностранные принцы и свита. Государыня Императрица, съ Высоконареченною Невѣстою Государя и другими Высочайшими Особами, и придворныя дамы ѣхали въ каретахъ. Колесница, окруженная камеръ-пажами съ зажженными факелами въ рукахъ, подвигалась впередъ вслѣдъ за процессіей, представлявшей зрѣлище, необычайное по своей величественности и въ то же время невыразимо печальное. Процессія раздѣлялась на 12 отдѣленій и 157 разрядовъ. Въ ней было: 52 знамени, 12 гербовъ, 57 иностранныхъ орденовъ, 13 русскихъ, 12 Императорскихъ регалій. Между знаменами и гербами двигались два латники: одинъ, въ золотомъ одѣяніи, ѣхалъ на конѣ, держа въ рукахъ обнаженный мечъ; другой—пѣшій латникъ, весь въ черномъ уборѣ, шелъ съ опущеннымъ внизъ мечемъ. За Императорскими регаліями слѣдовало духовенство, а передъ самой колесницей несли икону духовникъ Его Величества, протопресвитеръ о. І. Янышевъ. Шествіе открывали и замыкали войска. По всему пути слѣдованія стояли также войска, которые, при приближеніи погребальной колесницы, брали на караулъ, а трубачи и горнисты играли „походъ“. Дома были закутаны въ трауръ и увѣшаны траурными флагами; зажженные фонари тускло мерцали. Во все время шествія небо было покрыто тучами; шелъ мелкій осенній дождь. Тихо двигалось печальное шествіе, медленно колыхались обвитыя трауромъ знамена, и погребальные напѣвы, смѣшиваясь съ торжественными звуками похороннаго марша, неслись къ далекому сѣверному небу. Теплились кадила и пламя печальныхъ факеловъ трепетно мерцало въ холодномъ осеннемъ воздухѣ... И только вѣчный Царскій вѣнецъ горѣлъ и блестѣлъ на тяжелой крышкѣ гроба, покрытаго порфирой могучаго Императора. Въ 2 ч. дня печальная колесница, при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей и орудійной пальбѣ, прибыла къ Петропавловскому собору. Гробъ съ тѣломъ почившаго Вѣнценосца былъ снятъ съ колесницы и внесенъ въ соборъ Государемъ Императоромъ и Высочайшими Особами. Здѣсь онъ былъ поставленъ на приготовленный катафалкъ. По совершеніи панихиды Высочайшія Особы отбыли изъ собора.

И громомъ пушечнымъ даль слала имъ привѣтъ,
Сливая выстрѣлы съ церковнымъ перезвономъ.
Привѣтъ унынія!.. Тоска звучала въ немъ,
Въ немъ слышался напѣвъ молитвы погребальной;
И небо хмурое осеннимъ хмурымъ днемъ
Какъ будто вторило процессіи печальной...
Штандарты рѣяли, пестрѣлися гербы;
Порою трубачи протяжный маршъ гремѣли,
Порою пѣніе смѣняло звукъ трубы,
И скорбныя слова рыданіемъ летѣли...
И шли они, и шли; казалось, нѣтъ конца
Имъ передъ пышною печальною колесницей,
Гдѣ кротно возлежалъ, подъ сѣнію вѣнца,
Въ гробу Державный Вождь, встрѣчаемый столицей...
Да, Онъ лежалъ въ гробу—мудрѣйшій изъ Царей,
Достойный Своего могучаго народа,
Оплаканный страной великою Своей,
Страной, гдѣ расцвѣла славянская свобода!..
Свершилось!.. Онъ угасъ... Но думъ вѣнчанныхъ рать
Не гасла передъ Нимъ и въ тѣмъ загробной ночи.
Такъ—только русскіе умѣли умирать,
Такъ—только Богатырь взирать могъ смерти въ очи!
Послѣдній, скорбный путь... Вокругъ, какъ двѣ змѣи,
Тѣснилася толпа, гигантъ-толпа людская,
Всѣ чувства явныя, всѣ помыслы свои
На черный катафалкъ печально устремляя...
А городъ-исполинъ былъ трауромъ одѣтъ,
Весь въ черномъ, онъ на всѣхъ дыханьемъ смерти вѣялъ;
А съ неба сѣраго, отчаянью въ отвѣтъ,
Осенній дробный дождь слезами горя сѣялъ...
Весь городъ въ черномъ былъ, уныньемъ удрученъ;
Дома огромные казались гробами,
И флаги черные вились со всѣхъ сторонъ,
Зіяя бѣлыми своими полосами.
Подъ сводомъ траурнымъ нависшихъ тучъ-громадь
Казались улицы однимъ могильнымъ склепомъ;
Мерцали фонари мерцаніемъ лампадъ
При тускломъ свѣтѣ дня повиты чернымъ крепомъ...

Печаль народная—священная печаль!
Она безмолвное рыданье вызывала;
Она, безмѣрная, летѣла вширь и вдаль,
Ей не было конца, въ ней не было начала.
И силы не было не поддаваться ей,
И тысячи сердець влекла она невольно,
И слезы жгучія просились изъ очей,
И было на душѣ такъ тягостно, такъ больно,
Какъ будто небеса громаду черныхъ тучъ
Грозили уронить навѣкъ гранитнымъ сводомъ
Надъ каждымъ изъ толпы, а надо всѣмъ народомъ
Какъ будто угасалъ навѣкъ послѣдній лучъ...
А тамъ—все шли, все шли... Конца, казалось, нѣтъ
Ни лицамъ траурнымъ, ни траурнымъ знаменамъ;
И пушки гулкія гремѣли имъ привѣтъ,
И скорбный звонъ церквей лился протяжнымъ стономъ...

Апол. Коринфскій.

XXXIX.

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОЩАНІЕ. (ИЗЪ ЭПОПЕИ СКОРБНЫХЪ ДНЕЙ) *).

Это была не толпа,
Это—стремилась стихія:
Праху родного Царя
Шла поклониться Россія...
Въ эти угрюмые дни
Волны сѣдого тумана,
Словно на помощь тоскѣ,
Гнала Невою моряна;
Плачась ненастнымъ дождемъ,
Осени другъ непогодной,

*) „Всемирная Иллюстрація“ 1894 г., № 1346. Прахъ Государя Императора Александра III, въ ожиданіи вѣчнаго упокоенія, пребывалъ въ Петропавловскомъ соборѣ съ 1 по 7 ноября. Торжественно печальный видъ представлялъ соборъ въ это время. Посреди храма возвышался малиновый съ золотымъ обводомъ катафалкъ съ гробомъ Государя, а надъ нимъ высилась величественная сѣнь въ видѣ гигантской золотой шапки Мономаха, обведенной по борту рядомъ щитовъ съ гербами русскихъ земель и областей и отороченной внизу широкимъ горностаемъ; верхъ шапки украшенъ былъ Императорскою короною съ крестомъ. Изъ-подъ горностаевой оторочки къ четыремъ столбамъ храма спускались бѣлыя глазетовыя драпировки, перехваченныя у столбовъ золотыми коронами. У изголовья гроба стоялъ аналой, за которымъ священники, чередуясь, читали непрерывно Св. Евангеліе. Весь соборъ, всѣ его стѣны и колонны, сверху и до низу, были убраны вѣнками; ими-же были обложены и табуреты съ орденами. Всѣхъ вѣнковъ, золотыхъ и серебряныхъ, — дань русскаго народа и всего міра памяти незабвеннаго Императора, — было свыше тысячи, не считая вѣнковъ изъ живыхъ цвѣтовъ и фарфоровыхъ. У гроба постоянно дежурили высшіе чины Двора и военные; караулъ же несли у подножія катафалка дворцовые гренадеры. У дверей собора, внутри и снаружи, стояли парные часовые отъ войскъ гвардіи. Дважды въ день совершались панихиды въ присутствіи Государя, Государыни и прочихъ Высочайшихъ Особъ. Въ остальное время, во всѣ часы дня и ночи, допускался народъ для поклоненія праху усопшаго Миротворца. И народъ шелъ къ собору тысячными толпами и, печальный и удрученный, долгими часами тѣснился вокругъ него, дожидаясь очереди для входа въ храмъ. Поистинѣ ни одинъ Государь Русскій не былъ оплаканъ такъ искренне, такъ единодушно и всенародно, какъ въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ III.

Помѣщаемое здѣсь стихотвореніе Апол. Коринфскаго правдиво воспроизводитъ то, что переживалъ и перечувствовалъ Петербургъ въ скорбные дни съ 1 по 7 ноября.

Пѣлъ панихиды свои
Сѣверный вѣтеръ холодный;
Хмурилась невяская зыбь,
Волны ходили горами—
Точно живыя, онѣ
На берегъ прядали сами...
А надъ бурливой рѣкой,
Словно боецъ безъ забрала,
Настежь ворота раскрывъ,
Мрачная крѣпость стояла:
Стѣны, поросшія мхомъ,
Старыя башни, бойницы—
Призраки прошлыхъ временъ—
Высились въ сердцѣ столицы...
Позднею ночью и днемъ,
Благоговѣнія полны,
Шли отовсюду сюда,
Плыли народныя волны...
Это была не толпа,
Это—всплывала стихія,
Это—любовь и печаль
Силы скликала родныя;
Шли отовсюду они,
Дѣти народной печали,
Тѣсной стѣной возлѣ стѣнъ
Цѣлыми днями стояли;
Цѣлыя ночи съ рѣки,
Точно водой прибылою,
Русскій народъ наплывалъ
Въ крѣпость могучей волною...
Былъ и богачъ, и бѣднякъ
Равенъ предъ тѣмъ Исполиномъ,
Что почивалъ, осѣненъ
Пышнымъ, какъ власть, балдахиномъ...
Словно живой, Онъ лежалъ
Вдумчиво тихъ и спокоенъ,—
Этотъ замолкшій навѣкъ
Мира всемірнаго Воинъ.

Каждый къ Нему подходилъ,
На-земь колѣни склоняя;
Каждый прощался съ Царемъ,
Тихія слезы роняя...
Если бы всѣ ихъ собрать,
Слезы горячія эти,
Стало бы цѣлой рѣкой
Больше на Божіемъ свѣтѣ!..
Это была не толпа
Это—рыдала стихія...
Сила небесной любви
Сдвинетъ и горы земныя!
Также могучъ, какъ любовь,
Обликъ великаго горя,—
Подняло горе народъ,
Сердцу народному вторя...
Мрачный гигантъ вѣковой—
Крѣпости грозной твердыни
Сдѣлались въ скорбные дни
Мѣстомъ народной святыни:
Кончивъ свой царственный трудъ,
Каждый входилъ императоръ
Въ этотъ послѣдній пріютъ,
Словно герой-тріумфаторъ;
Всѣ, начиная съ Петра,
Всѣ успокоились въ мирѣ,
Всѣ улеглись по гробамъ
Въ бармахъ и царской порфирѣ...
Шестеро сутокъ стоялъ
Гробъ АЛЕКСАНДРА въ соборѣ,
Шестеро сутокъ народъ
Плылъ передъ гробомъ, что море;
Стала одною семьей
Въ горѣ народномъ Россія;
Это—сливалась съ Царемъ
Мощная вѣрой стихія!..

Апол. Коринфскій.

XL.

ВЪ ЭТИ ДНИ *).

Какъ трауръ ночь виситъ, и сонъ царитъ въ столицѣ,
И слышится вдали шумъ темныхъ невскихъ водъ...
Деревни русской сынъ, примкнувшій къ вереницѣ,
Передъ соборомъ впуска ждетъ.

Онъ долго шелъ пѣшкомъ въ столицу издалека,
Лишенья онъ терпѣлъ, покуда длился путь,
Съ одной лишь цѣлью той, чтобъ въ дни тоски глубокой
На прахъ ЦАРЯ-ОТЦА взглянуть,

Чтобъ со слезами пасть, съ горячими слезами,
Любовью искренней народною горя
И проникаясь въ дни ноябрьскіе мольбами,
Предъ гробомъ мудраго Царя...

Сильна ты духомъ, Русь, любовью ты могуча!
И снова ты любви дорогою иди:
Надъ нашей родиной нависла смерти туча,
Но свѣтъ вновь блещетъ впереди!

Алфей Г.

*) „Московскія Вѣдомости“ 1895, № 73.

XLI *).

Сумракъ спустился на городъ угрюмый,
Въ траурѣ улицы, мрачны дома;
Вѣетъ печалью, тоскою и думой
Ночи ненастной суровая тьма...

Съ шумомъ и трескомъ летятъ экипажи
Мимо печальныхъ и тусклыхъ громадъ.
Въ улицахъ темныхъ, какъ будто на стражѣ,
Въ крепѣ нѣмомъobeliski стоятъ.

Сумрачно идутъ толпы за толпами;
Слезы и вздохи, печаль и тоска...
Словно сочувствуя, плещетъ валами
Въ темный гранитъ вѣковая рѣка.

Къ крѣпости тихой угрюмой столицы
Что-то влечетъ въ эти мрачные дни.
Тускло мерцаютъ огней вереницы...
Въ храмѣ престольномъ—огни и огни...

Въ грусти безмолвной, склоняя колѣни,
Къ гробу Царя припадаетъ народъ.
Хмуро на стѣны, на двери, ступени
Дымъ отъ кадилъ ароматныхъ плыветъ...

„Вѣчную память“ торжественнымъ клиромъ
Тѣлу Властителя кротко поютъ;
Дышетъ весь храмъ и покоемъ, и миромъ,
Чуждый печали, тревоги и смуть...

Мѣрно, одѣтые черною тканью,
Люди проходятъ и шепчутъ „прости“.
Вторая надгробнаго хора рыданью,
Смутныхъ не въ силахъ очей отвести.

*) „Московскія Вѣдомости“ 1894, № 289.

Въ траурѣ блѣдномъ, вѣнки за вѣнками,
Символъ печали народа всего,
Блещутъ у гроба, облиты огнями,
И охраняютъ, какъ стража, Его.

Блещутъ они чудотворнымъ залогомъ
Памяти вѣчной, сердечной тоски,
Тамъ, гдѣ лежитъ Онъ, отозванный Богомъ,
Тамъ, гдѣ тревога и шумъ далеки...

Тихо молитву творить духовенство,
Тайною полонъ затихнувшій храмъ,
Тайной святой неземного блаженства,
Тайной, понятной духовнымъ очамъ.

Близится ночь и горятъ въ небосводѣ
Звѣзды и звѣзды, одна за другой,
Словно печальныя свѣчи въ природѣ,
Чьей-то зажженныя мощной рукой.

Словно печалась печалью народной,
Плачутъ угрюмыя тучи порой:
Дождикъ медлительный, хмурый, холодный
Брызжетъ на землю съ угрюмой тоской.

Холодъ, ненастье... А городъ въ тревогѣ:
Слышны и вздохи, и говоръ, и шумъ;
Идутъ толпы по знакомой дорогѣ,
Полныя хмурыхъ торжественныхъ думъ.

Общею мыслью и общимъ волненьемъ
Городъ исполненъ; волнуется весь,—
Что-то сердца охватило смущеньемъ,
Что-то творится великое здѣсь...

Это не вѣтеръ бушуетъ со стономъ,
Это не хмурая полночь плыветъ,—
Это съ послѣднимъ, прощальнымъ поклономъ
Къ гробу Царя приступаетъ народъ.

В. Петровичъ.

XLII.

У ГРОБА *).

Сколько здѣсь плачетъ очей, сколько страдаетъ сердець!
Какъ разрывается грудь отъ неисходнаго горя!
Спи, дорогой нашъ Монархъ, спи, дорогой нашъ Отецъ,—
Слезъ у гробницы Твоей пролито цѣлое море!
Спи, незабвенный нашъ Царь, спи послѣ тяжкихъ трудовъ,—
Свѣтлыхъ дѣяній Твоихъ русскій народъ не забудеть!
Вѣчная память Тебѣ! Слава во вѣки вѣковъ!
Ввѣкъ благодати святой миръ надъ Тобою да будетъ!

Леонидъ Афанасьевъ.

*) „Свѣтъ“ 1894 г., № 264.

XLIII.

СО СВЯТЫМИ УПОКОЙ *)...

Съ колокольни льются звуки...
Какъ тягучъ и грустенъ звонъ!
Полный скорби, полный муки,
Не добро вѣщаетъ онъ.
Звонъ унылый, погребальный,
Съ безграничною тоской
Къ небу гимнъ несетъ печальный:
„Со святыми упокой!“

А подъ древнимъ сводомъ храма,
При мерцаньи блѣдномъ свѣчъ,
Ходятъ волны фиміама
И слышна печали рѣчь.
У священника сѣдого
Затуманенъ взоръ слезой;
За Царя онъ молить Бога:
„Со святыми упокой!“

И толпой, къ землѣ приникшей,
Плачетъ, молится народъ,
Къ плачу вовсе не привыкшій,
Не боящійся невзгодъ.
Онъ несетъ свое моленье
За Отца Руси родной
Къ Богу правды и спасенья:
„Со святыми упокой!“

*) „Русь“ 1894 г., № 295.

Дай-же Боже, Боже вѣчный,
Духу Царскому покой
Въ царствѣ жизни безконечной,
Въ царствѣ радости одной,
И помилуй Русь святую,
И Царя благослови!
Алилуйя, алилуйя,
Богу правды и любви!

И. Мордвиновъ.

XLIV.

У ГРОБА *).

Прощальныя свѣчи горятъ;
Подъ своды печальнаго храма,
Священный струя ароматъ,
Восходитъ волна еиміама,
И льется уныло надъ гробомъ Царя
Скорбящій, рыдающій стихъ тропаря...
Предъ тайной невѣдомой ночи,
Гдѣ сумракъ, безмолвье и прахъ,
Закрылись орлиныя очи,
Печать на холодныхъ устахъ...
Ты видишь-ли скорбь нашу, Царь дорогой?
Ты слышишь-ли плачъ надъ могилой родной?
— Ты видишь, Ты слышишь, Ты знаешь!
И, въ срѣтеніе вѣчному дню,
Ты дѣтямъ изъ гроба вѣщаешь
Послѣднюю волю Свою—
Священную волю, Отцовскую волю—
На благо отчизнѣ, на свѣтлую долю.

— Дочь моя любимая,
Русь, неодолимая
Для вражды и зла,

Шествуй съ вѣрой строгою
Правою дорогою,
Будь какъ день свѣтла!

Въ подвигѣ суровая,
Въ смертный бой готовая,
Миръ Ты охраняй;

*) „Свѣтъ“ 1894 г., № 265.

Сердце упованіємъ,
Чуткій умъ познаніємъ
Бодно укрѣпляй!

Вѣры дочь исконная,
Правдой ополченная,
Правду ты твори

И съ душой открытою
Про любовь забытую
Міру говори!..

С. Фругъ.

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОСТИ!! *)

Вырыта въ церкви могила печальная,
 Вся утопая въ цвѣтахъ,
 Глухо разносится пѣснь погребальная,
 Смолкли слова на устахъ.

Свѣчи зажженные въ тихомъ мерцаніи
 Таютъ, какъ наши сердца;
 Словно заплакалъ и воскъ при прощаніи
 Съ прахомъ Царя и Отца.

*) „Вѣстникъ Россійскаго Общества Краснаго Креста“ 1894 г., № 46. Въ понедѣльникъ, 7 ноября, въ Петропавловскомъ соборѣ,—усыпальницѣ Россійскаго Императорскаго Дома,—Россія навѣки простилась съ горячо любимымъ ею Государемъ Императоромъ Александромъ III. Величаво и скорбно совершены царскіе похороны. Задолго до начала богослуженія въ соборъ прибыли: первые и вторые чины Высочайшаго Двора, члены Государственного Совѣта, министры, сенаторы, почетные опекуны, генералитетъ, весь дипломатическій корпусъ, свита Государя, а равно свиты иностранныхъ высочайшихъ особъ, придворныя дамы, многочисленныя депутации и т. д. Члены Св. Синода собрались въ алтарь. Въ 10¹/₂ ч. утра въ соборъ прибыли: Ихъ Величества Государь Императоръ и Вдовствующая Государыня Императрица, Высоконареченная Невѣста Государя, короли Датскій, Эллиновъ и Сербскій и всѣ Высочайшія Особы, русскія и иностранныя, пріѣхавшія ко дню погребенія. По окончаніи заупокойной литургіи и отпѣванія, совершенныхъ сонмомъ духовенства, при пѣніи прощальныхъ стиховъ, Государыня Императрица, Государь Императоръ и всѣ Высочайшія Особы отдали послѣднее поклоненіе праху почившаго Императора. Вдовствующая Государыня подошла первой; Она же еще разъ послѣдней простилась съ своимъ Царственнымъ Супругомъ. Генералъ-адъютанты сняли съ гроба Императорскій покровъ и отнесли его въ алтарь. Государь Императоръ уложилъ въ гробъ порфиру... и священный прахъ скрылся навѣки... Залпы войскъ и орудій загрохотали вокругъ крѣпости прощальнымъ салютомъ, раздался продолжительный перезвонъ столичныхъ церквей. Еще разъ прозвучала подъ сводами храма „Вѣчная память“ надъ закрывшейся могилой. По окончаніи погребенія Ихъ Величества отбыли изъ собора. Послѣднее дежурство у могилы Императора оставалось до тѣхъ поръ, пока былъ задѣланъ сводъ и закрыта могила, надъ которой была поставлена временная гробница. Вслѣдъ затѣмъ была совершена литія протопресвитеромъ о. І. Янышевымъ, въ сослуженіи съ другимъ духовенствомъ, въ присутствіи Вел. Кн. Константина Константиновича, Министра Императорскаго Двора гр. Воронцова-Дашкова, Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева и другихъ высокопоставленныхъ лицъ.

Дымъ отъ кадилницъ кругомъ поднимается,
Къ небу плыветъ ѳиміамъ,
Точно душа отъ земли отдѣляется,
Къ Богу стремясь, къ небесамъ!

„Вѣчная память!“ намъ съ клироса слышится,
„Вѣчную память“ поютъ.
Мысли мѣшаются. Грудью не дышется.
Слезы рѣкою бѣгутъ!

Смерть безпощадная, вѣчно-суровая,
Жертву уносить съ собой.
Крышкой тяжелою, крышкой дубовою
Гробъ ужъ закрыть дорогой.

Скрыты на-вѣки останки священные,
Скрыты на-вѣки въ гробу;
Но будутъ живы дѣла незабвенныя,
Благословляя судьбу!

Грустно стоимъ мы предъ свѣжей могилою:
Скрылась въ ней „Мира Звѣзда“...
Скажемъ послѣднее, скажемъ унылое,
Скажемъ: „Прости навсегда!“

Къ этой завѣтной могилѣ мы тронемся,
Жизни разсѣявши тьму,
Гробу Царя Александра поклонимся,—
„Вѣчная память“ Ему!

XLVI *).

Уныло-торжественный звонъ погребальный
Звучить надъ столицей, какъ сдержанный стонъ;
Какъ порванныхъ струнъ отголосокъ печальный,
Подъ небомъ далеко разносится онъ...

Далеко... На всемъ необъятномъ просторѣ,
Гдѣ русская рѣчь и родная страна,
Въ томъ звукѣ одно отражается горе
И скорбная слышится нота одна.

Такъ! Время разлуки уже наступило,
Тотъ звонъ возвѣщаетъ намъ часъ роковой:
Царю-Миротворцу готова могила
Въ томъ храмѣ, гдѣ предки вкушаютъ покой.

*) „Русскій Паломникъ“ 1895 г., № 100. Въ то время какъ Государыня Императрица, Государь Императоръ и Августѣйшая Семья склонялись въ послѣдній разъ передъ почившимъ Государемъ, вся Русь прощалась съ Нимъ. Въ день Царскаго погребенія жители столицъ, городовъ, селъ и глухихъ деревушекъ соединились въ одной общей молитвѣ за своего Державнаго Покойника. Еще наканунѣ повсюду были прекращены всякія работы и торговля. Храмы полны были молящимися и раздавалось пѣніе погребальнаго канона. Въ день похоронъ все и вездѣ было закрыто. Задолго до звона народъ стремился въ храмы и не только наполнял, но и толпами окружалъ ихъ. Во время богослуженія молившіеся стояли съ зажженными свѣчами и при возглашеніи „Вѣчной памяти“ склоняли колѣна въ горячемъ обращеніи къ Богу за своего почившаго Царя, напутствуя Его въ жизнь вѣчную. Если бы возможно было съ высоты неба взглянуть въ этотъ день на нашу родину, то она представилась бы взору колѣнопреклоненною и молящеюся. Эти молитвы, этотъ дымъ кадильный, этотъ свѣтъ миллионовъ свѣчей возносились къ престолу Вѣчнаго Бога, куда отлетѣла чистая душа почившаго Миротворца. Вся Европа, Америка и восточныя страны воздали нашему Государю въ день Его погребенія небывалыя почести, особенно Франція. Повсюду въ этотъ день совершались торжественныя заупокойныя богослуженія... Тоска и слезы, печаль и горе... Захлопнулась гробовая крышка, навѣки скрыла отъ насъ дорогія незабвенныя черты... Того, Кто „поднялъ русскую историческую мысль, русское національное сознаніе... И сдѣлалъ все это такъ тихо и молчаливо, что только теперь, когда Его нѣтъ, поняли чѣмъ Онъ былъ для всѣхъ“ (Проф. Ключевскій).

Спи же съ миромъ, Царь великій и могучій, чье незабвенное царствованіе свѣтлой страницей занесется на скрижали родной исторіи.

Какое перо передать впечатлѣнья
Тѣхъ горестно-чудныхъ, высокихъ минутъ?
Гдѣ красокъ найти, подыскать выраженья
Тому, что наглядно свершалось тутъ?..

Земного величія смутные взоры
Съ небеснымъ понять сочетанье могли,
А въ пѣньи божественномъ стройные хоры
Свой гимнъ возносили Творцу отъ земли.

И сонмъ духовенства въ своемъ облаченьи,
Угодниковъ лики Святыхъ по стѣнамъ,
Мерцанье огней при дневномъ освѣщеньи
И весь ароматомъ наполненный храмъ,—

Лишь чувствамъ доступна вся эта картина...
Послѣднихъ минутъ потрясающій видъ:
Прощанье Семьи и Преемника-Сына,
Вся Русь на Кого съ упованьемъ глядитъ,

Съ кѣмъ дѣлить Его объ утратѣ печали
И къ Богу возносить усердно мольбу,
Чтобъ Вышняго силы Ему даровали
И долгіе дни, и благу судьбу.

И. Толмачевъ.

XLVII.

7-Е НОЯБРЯ 1894 ГОДА *).

— „Мама, мама! Что случилось?
Отчего всѣ такъ печальны?
Отчего съ утра я слышу
Звонъ унылый, погребальный?“
„Ахъ, мой мальчикъ! Злое горе
Надъ всей Русью православной
Разразилось грозной бурей:
Умеръ Вождь Ея Державный!“
— „Вождь Державный? Это кто же?
Царь нашъ, мама?“—
„Онъ, желанный;
Унесенъ отъ насъ злой смертью
Нашъ родимый Царь вѣнчанный“...
— „Онъ былъ добрый“?—
„Да, мой мальчикъ.
Слушай рѣчь мою простую:
Свѣтомъ истины съ престола
Озарялъ Онъ Русь святую!
Люди—братья; было жъ время
Братъ на брата шелъ войною,
И тогда въ пылу сраженій
Кровь людей лилась рѣкою.
Страшны муки человѣка,
Смерть страшна на полѣ ратномъ...
Лишь война—всѣ страны міра
Плачутъ въ горѣ необъятномъ...
Лишь война—повсюду слышны
Матерей и женъ рыданья.
Скорбь ихъ понялъ нашъ Родимый,
Къ сердцу принялъ ихъ страданья:

*) „Всемирная Иллюстрація“ 1895 г., № 1385.

Не мечемъ, а словомъ мира,
Словомъ кроткимъ, всѣ народы
Онъ смирилъ, и облегченно
Всѣ вздохнули въ эти годы!
Сильный тѣломъ, мощный духомъ,
Онъ великою Душою
Насъ любилъ, и Русь святая
Для Него была Семьею...
И Его народъ сегодня
Провожаетъ до могилы...
Оттого всѣ такъ печальны,
Оттого и звонъ унылый!
Помни, милый,—будетъ вѣчно
Память намъ Его святыней,
И Его въ своихъ молитвахъ
Поминай, дитя, отнынѣ“...

XLVIII.

ПОСВЯЩАЕТСЯ РУССКИМЪ ДѢТЯМЪ *).

Закатилось солнышко и зашла заря—
Потеряла, дѣточки, Русь Отца-Царя.
Богъ намъ испытаніе за грѣхи послалъ:
Государя-батюшку Онъ у насъ отнялъ.
Всюду стонъ, рыданія, плачетъ весь народъ,
У всѣхъ горе на сердцѣ и тяжелый гнетъ!
Въ храмахъ раздается похоронный звонъ,
Душу надрываетъ и смущаетъ онъ!
Умеръ Царь нашъ Батюшка въ цвѣтѣ мощныхъ силъ,
Жизнь и все здоровье намъ Онъ посвятилъ.
Много Онъ заботился, дѣточки, о насъ,
И отъ всѣхъ заботушекъ, заболѣвъ, угасъ!
Помолитесь, дѣточки, Богу за Него,
Чтобы упокоилъ душу Онъ Его!

Н. А. Емельяновъ-Коханскій.

*) „Свѣтъ“ 1894 г., № 287. Императоръ Александръ III скончался на пятидесятомъ году жизни. Онъ царствовалъ 13 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ и поднялъ Россію на недостижимую высоту, окруживъ ее небывалымъ обаяніемъ и авторитетомъ.

XLIX.

ПАМЯТИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III *).

Въ далекій путь уйдя отъ насъ,
О, славный, благородный!
Прости, нашъ Царь, въ послѣдній разъ
Прости, Отецъ народный!

Мильоны душъ летятъ во слѣдъ
Печальной колесницы;
Весь міръ, скорбя, свой шлетъ привѣтъ
Къ дверямъ Твоей гробницы.

Въ единой скорби всѣ вокругъ
Сліясь, народы плачутъ.
Но что моленій нашихъ звукъ!
Что слезы наши значутъ!

Въ селенія вышнія спѣша,
Къ пріюту въ райскихъ кущахъ,
Молись, о свѣтлая душа,
За насъ во мглѣ живущихъ!

Моли Предвѣчнаго Отца,
Чтобъ укрѣпилъ, Правдивый,
Онъ наши слабыя сердца,
Подъялъ нашъ духъ пугливый.

Зажегъ бы въ насъ, пріавъ Тебя,
Десницей благодатной
Хоть искру дивнаго огня
Той силы необъятной,

Что пламенѣла въ глубинѣ
Души Твоей прекрасной

*) „Новое Время“ 1894 г., № 289.

И завѣщаль родной странѣ
Ты, Царь нашъ, кроткій, ясный,
Ты, намъ сіявшій весь свой вѣкъ,
Звѣздою путеводной...
Прости, нашъ Царь! Прости, навѣкъ,
Прости, Отецъ народный!...

L.

НА ГРОБЪ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА III *).

Великій, мудрый, незабвенный
Усопшій Царь земли родной!
Ты всѣми чтимъ во всей вселенной,
И все склонилось предъ Тобой,
Передъ Твоей желѣзной волей,
Нелицемерной прямою,
Предъ мощью грозной, честью строгой
И предъ сердечной добротой.
Вознесъ Ты русскую Державу,
Ты ей могущество стяжалъ;
Затронуть нашу честь и славу
Никто на свѣтѣ не дерзалъ.
Поникъ и дома духъ мятежный
И притаился по угламъ;
Друзьямъ Россіи другъ надежный,
Ты страшенъ былъ ея врагамъ.

Держа такъ властно скипетръ царскій,
Ты былъ и истиннымъ Отцомъ,
Высокой жизни христіанской
Служа для всѣхъ насъ образцомъ.
Ты жить училъ Своимъ примѣромъ,
И умирать насъ научилъ,
Ты и по духу, и по вѣрѣ
Всегда роднымъ народу былъ.
И величаво-благородный,
И сердцу русскому родной,
Твой образъ въ памяти народной
Всегда останется живой.

*) „Московскія Вѣдомости“ 1894 г., № 299.

Любилъ Ты русскою душою
Многомилльонный Свой народъ,
И онъ, рыдая надъ Тобою,
Утрату тяжкую несетъ.
Весь путь земной свой скоротечный
Свершилъ Ты въ царственномъ трудѣ.
Покой Тебѣ блаженный, вѣчный,
И память вѣчная Тебѣ!

Невыразимой общей скорбью
Объята Русская Земля,
Сердца горять къ Тебѣ любовью,
Горятъ молитвой за Тебя;
Огонь сихъ свѣчъ нерукотворныхъ
Предъ трономъ Вышняго возженъ,
И эту дань душъ нашихъ скорбныхъ
Не презритъ, не отринетъ Онъ.
Еще горячія моленья
Въ слезахъ возносимъ къ небесамъ
За тѣхъ, Кого на утѣшенъе
Оставилъ здѣсь Ты сирымъ намъ:
Русь о страдающей Царицѣ
Молитву общую творить, —
Своей всеильною десницею
Господь Ее да подкрѣпитъ!
За Твоего Русь молитъ Сына,
Самодержавнаго Царя,
Да править ею Онъ отнынѣ,
Завѣтъ Родительскій храня.

Елена Бѣлоруссова.

Орель,
28 октября.

LI.

ЭПИТАФИЯ НА ГРОБЪ ГОСУДАРЯ
АЛЕКСАНДРА III *).

Почилъ Ты, Отецъ нашъ! Вотъ прахъ Твой безцѣнный
Во гробѣ смиренномъ безмолвно лежитъ,
Но духъ Твой, всей той же любовью священной
Надъ Русью родною державно царить!

Для насъ Ты не умеръ, Отецъ незабвенный!
Мы вѣримъ, мы знаемъ: „нѣтъ смерти любви“!
И ею взаимно, какъ цѣпью священной,
Съ Тобой неразрывны мы, дѣти Твои!

Игуменія Т.

*) „Церковныя Вѣдомости“ 1894 г., № 43.

ЛП.

ДВѢ ПОБѢДЫ *).

І.

Господомъ избранный, встарь
Въ славной землѣ Ханаанской
Умеръ израильскій царь—
Библии образъ гигантскій.

Громкихъ побѣдъ торжество
Имя Давида вѣнчало;
Грозная сила его
Трепетомъ міръ наполняла.

Всюду—въ палаткѣ бойца,
Въ пышномъ дворцѣ властелина,
Въ сумрачной кельѣ жреца,
Въ мирномъ шатрѣ селянина—

Сыну отецъ говорилъ,
Полонъ восторженнымъ жаромъ:
„Онъ Гоіаѳа сразилъ
Въ битвѣ единымъ ударомъ,—

Краю родному грозившій булатъ
Вышибъ изъ длани кровавой.
Славьте, народы, стократъ
Славьте вѣнчаннаго славой!..“

ІІ.

Тридцать столѣтій прошло—
Русь АЛЕКСАНДРА хоронить,
Къ милому гробу чело
Въ скорби мучительной клонить.

*) „Свѣтъ“ 1894 г., № 261.

Плачетъ родная страна...
Но въ испытаньи великомъ,
Гордости свѣтлой полна,
Внемлетъ восторженнымъ кликамъ:

„Славьте Его! Бога Силь,
Бога Любви паладина!—
Онъ Гоііаеа сразилъ,
Онъ побѣдилъ исполина

Международной вражды,
Благословляя народы
Вновь на святыя труды
Въ царствѣ любви и свободы;

Міру грозившій булатъ
Вышибъ изъ длани кровавой...
Славьте-жъ, народы, стократъ
Славьте вѣнчаннаго славой!“

С. Фругъ.

ЛІІІ.

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ІІІ *).

Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ,
Твой свѣтлый образъ перейдетъ!
Въ дни процвѣтанья и невзгоды
О мирныхъ дняхъ вся Русь вздохнетъ,
И не одинъ родной народъ
Тебя въ молитвѣ помянетъ,—
Тебя помянутъ всѣ народы!

Леонидъ Афанасьевъ.

*) „Свѣтъ“ 1894 г., № 256.

Для смерти нѣтъ ни немощныхъ, ни сильныхъ,
 Ни властелиновъ, ни рабовъ.
 Она придетъ—и у дверей могильныхъ
 Ни стонъ мольбы, ни блескъ даровъ обильныхъ
 Не отвратятъ ея оковъ.
 Но есть мгновенья,—дивныя мгновенья,—
 Когда, какъ дымъ, разсѣются сомнѣнья
 И мигомъ ясно станетъ всѣмъ кругомъ,
 Какъ власть ея пуста, побѣда ложна
 И какъ она безсильна и ничтожна
 Во всемъ величїи своемъ...
 Вотъ мрачный гробъ, вотъ грозная могила,—
 Но Тотъ, Кого предъ нами смерть скосила,
 Ее сумѣлъ такъ славно побѣдить:
 Живя, Онъ былъ лишь временно межъ нами;
 Онъ умеръ—и несмѣтными вѣками,
 И вѣчно будетъ съ нами жить!..

Еще одна звѣзда сокрылась
 Въ туманѣ вѣчности нѣмой...
 Какое сердце не забилося
 Сильнѣй при вѣсти роковой!

Почилъ навѣки Вождь народа
 Съ завѣтомъ мира на устахъ...
 Любовь, и правда, и свобода
 Имъ дорогой лобзаютъ прахъ...

*) „Новое Время“ 1895 г., № 185.

У преждевременной могилы
Склонись въ рыданіяхъ, народъ!
Твои хранилъ Онъ свято силы
Отъ бурь войны и непогодъ.

Стихи злобныя смирятъ
При Немъ мятежный свой порывъ...
О, Боже! Если бъ соблюдали
Его святой къ любви призывъ!

Другъ мира.

26-е ФЕВРАЛЯ 1897 ГОДА *).

Была пора... давно ли? Въ этотъ день,
 Въ счастливый день—день Царскаго рожденья,
 Стекалась Русь подъ храмовъ Божьихъ сѣнь,
 Чтобъ возносить горячія моленья
 О здравіи Того, Кто власть пріялъ
 Въ годину смуть и укрѣпилъ державу,
 И, злобы тьму разсѣявъ, даровалъ
 Россіи миръ и счастье, и славу.
 Его ужъ нѣтъ, великаго Царя!
 Онъ въ гробѣ спитъ—и годы миновали;
 День радости сталъ нынѣ днемъ печали...
 Къ чему жъ—осиротѣлая семья—
 На торжество сошлись мы, какъ бывало,
 Когда насъ Солнце наше озаряло,
 Когда насъ грѣлъ, побѣденъ и могучъ,
 Его любви и правды чистый лучъ?
 Мы собрались средь шума и волненья
 Воскресшихъ смуть, вражды и темныхъ дѣлъ,
 Чтобъ съ высоты небеснаго селенья
 Почившій Царь насъ вѣрными узрѣлъ;
 Мы собрались для пламенной молитвы,
 Чтобъ свѣточъ, Имъ возженный, не угасъ,
 Чтобъ въ дольней тьмѣ, среди борьбы, въ часъ битвы,
 Благословилъ и укрѣпилъ Онъ насъ,
 Чтобъ не дерзнулъ завѣщанной святыни
 Коснуться врагъ, чтобъ смолкъ зловѣщій шумъ,
 Чтобъ духъ Отца былъ живъ въ Державномъ Сынѣ,
 Свершителѣ Его надеждъ и думъ!

Графъ А. Голенищевъ-Кутузовъ.

1897.

*) Изданіе „Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III“, Спб., 1897 г. Общество основано въ 1895 году. Годишныя торжественныя собранія его происходятъ 26 февраля,—въ день рожденья незабвеннаго усопшаго Государя Императора.

LVI.

26-е ФЕВРАЛЯ

(Памяти Царя-Миротворца) *).

Изъ года въ годъ завѣтный день
Мы чтимъ семьею, какъ сегодня,
И въ сердце,—вѣстница Господня,—
Нисходитъ трепетная тѣнь:
Тѣнь возвышающей печали,
Боль созидательныхъ скорбей!..
Надъ смутой жизненныхъ зыбей
Есть нерушимыя скрижали:
Начертанъ ясный путь на нихъ
И долгъ священный всѣмъ указанъ
Надъ жалкимъ прахомъ благъ земныхъ!
Онъ неземною силой связанъ
Съ бессмертной памятью Того,
Чье сердце истиной горѣло,
Чья мысль, и скорбь, и рѣчь, и дѣло—
Россіи мощь и торжество!..

Событій всходы жадно косить
Временъ губительная власть;
Раскрывъ чудовищную пасть,
Все новыхъ жертвъ забвенье просить.
Какъ много меркнетъ яркихъ дѣлъ,
Могучихъ обликовъ мельчаетъ,
Едва ихъ издали встрѣчаетъ
Всего непрочнаго удѣлъ.
Царь незабвенный! Не опасенъ
Тебѣ тотъ недугъ роковой:

*) Изданіе „Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III“, Спб., 1898.

Все величавѣй обликъ Твой,
Красой невянущей прекрасенъ.
Растетъ онъ съ кроткимъ торжествомъ
Въ трудахъ преемственно-державныхъ,
Въ игрѣ событій своенравныхъ,
Въ самосознаніи живомъ...

Растетъ—и въ смутную тревогу
Приноситъ миръ и ясный свѣтъ,
Давая жизненный отвѣтъ,
Какъ на землѣ быть вѣрнымъ Богу...
Ты, стягомъ правды русской ставъ,
Далъ сильнымъ кротость, смѣлость правымъ,
Съ проникновеньемъ жизни здоровымъ
Любовь Христову сочетавай!
Тобою твердъ боецъ усталый
Въ неравной праведной борьбѣ;
Растутъ, прильнувъ душой къ Тебѣ,
И старъ, и младъ, большой и малый,—
Сыны духовные Того,
Чье сердце истиной горѣло,
Чья мысль и скорбь, и рѣчь, и дѣло—
Россіи мощь и торжество.

В. Величко.

LVII.

СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ ЦАРЯ-МИРОТВОРЦА *).

Среди утратъ, среди скорбей
Руси, печалію повитой,
Одна утрата всѣхъ больнѣй,
Одна не можетъ быть забытой.

И пусть прошло ужъ десять лѣтъ
Съ тѣхъ поръ, какъ смерти злая сила
Очей Державныхъ ясный свѣтъ
На зло Россіи погасила;

Царь-Миротворецъ не забыть,
И образъ мощный, лучезарный,
Неумирающій царить
Въ душѣ Россіи благодарной.

Онъ ростъ и мощь отчизнѣ далъ,
Земного мира стражъ могучій,
Онъ Русь возвелъ на пьедесталъ,
Разсѣвая вражьи тучи.

Любимый русскою семьей,
Онъ для враговъ грозой явился,
И русскій сердцемъ и душой
По-русски мыслилъ и молился.

Ему-бы только жить да жить
Царю-Отцу, Царю-Титану!..
Нѣтъ, никогда не залѣчить
На сердцѣ русскомъ эту рану!..

Ф. Пестряковъ.

*) Одесскій Листокъ 1904 г., № 289.

LVIII.

КЪ ПОРТРЕТУ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА *).

Въ томъ Царская Его заслуга предъ Россіей,
Что, Царь, Онъ вѣрилъ Самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская земля,
Ихъ громко высказалъ; и какъ съ высотъ Кремля
Ивановъ колоколъ ударилъ, и въ мгновенье
Всѣ сорокъ сороковъ въ Христово Воскресенье
О свѣтломъ праздникѣ по Руси возвѣстятъ,—
Такъ слово Царское, летя изъ града въ градъ,
Откликнулось вездѣ народныхъ силъ подъемомъ,
И какъ, живительнымъ весеннимъ первымъ громомъ
Вдругъ къ жизни призваны, очнутся долъ и лѣсъ,
Воскресла духомъ Русь, сомнѣній мракъ исчезъ;
И то, что было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованной броней, закрѣплено сознаньемъ.

А. Майковъ.

*) А. Майковъ. Полное собраніе сочиненій, Спб., 1899. Государь Императоръ Александръ III вступилъ на престолъ въ тяжелое и смутное время, послѣ злодѣйскаго убійства Царя-Освободителя. Шатаніе и недоумѣніе, куда и за кѣмъ идти и чему поклоняться, проникло во всѣ слои общества и въ народъ; Русь, казалось, сбилась съ своего историческаго пути. Манифестомъ отъ 29 апрѣля 1881 г. почившій Государь разсѣялъ всѣ сомнѣнія и недоумѣнія своихъ вѣрно-подданныхъ: какъ звукъ могучаго колокола, отозвался этотъ достопамятный манифестъ въ ихъ сердцахъ и указалъ имъ утерянный путь...

LIX.

НА МОГИЛѢ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА ТРЕТЬЯГО *).

Съ душой проникнутой любовью и смиреньемъ,
Съ печатью благи и мира на челѣ,
Онъ былъ ниспосланнымъ отъ Бога воплощенемъ
Величія, добра и правды на землѣ.

Въ дни смуты, въ темное, безрадостное время
Мятежныхъ замысловъ, безвѣрья и угрозъ,
Подъялъ на рамена Онъ царской власти бремя
И съ вѣрой до конца то бремя Божье несъ.

Но не гордынею и силой грозной власти,
Не блескомъ суетнымъ, не кровью и мечемъ—
Онъ ложь, и непріязнь, и лесть, и злыя страсти
Смирилъ и побѣдилъ лишь правдой и добромъ.

Онъ возвеличилъ Русь, Свой подвигъ ни единой
Не омрачивъ враждой, не требуя похвалъ,
И—тихій Праведникъ—предъ праведной кончиной
Какъ солнце въ небесахъ надъ міромъ просіялъ.

Людская слава —дымъ, и жизнь земная—бренна.
Величье, шумъ и блескъ — все смолкнетъ, все пройдетъ!
Но слава Божія безсмертна и нетлѣнна;
Царь-Праведникъ въ родныхъ преданьяхъ не умретъ.

Онъ живъ—и будетъ жить! И въ горнюю обитель
Съ престола вознесенъ, передъ Царемъ Царей
Онъ молится—нашъ Царь, нашъ свѣтлый Покровитель—
За Сына, за Семью, за Русь... за всѣхъ людей!

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

*) Рус. Вѣстникъ 1894, декабрь.

LX.

ВЪ ЛИВАДИИ *).

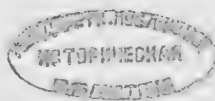
Благоговѣніемъ и трепетомъ объятый,
Въ молитвенной тиши вхожу я въ тотъ покой,
Гдѣ Царь, Великій Царь, отъ міра Богомъ взятый,
Окончилъ путь земной.

То не роскошный храмъ, и не богатствомъ тлѣннымъ,
Сверкающій чертогъ, утѣха праздныхъ глазъ;
Въ пріютѣ ласковомъ, привѣтномъ и смиренномъ
Лишь свѣтитъ крестъ Христовъ на мѣстѣ томъ священномъ
Гдѣ Праведникъ угасъ.

Но къ этому кресту стеклися всѣ дороги,
Весь міръ къ нему мольбы и скорби дань принесть,—
И не вмѣстили бы всѣ храмы, всѣ чертоги
Ни той любви, ни слезъ!

Графъ А. Голенищевъ-Кутузовъ.

*) Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ. Собрание сочинений, т. I. Спб. 1904 г

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе.	
I. На Святое Крещеніе Е. И. В. Великаго Князя Александра Александровича	3
II. Торжество бракосочетанія Цесаревича Александра Александровича	4
III. Государю Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Александру Александровичу Атаману всѣхъ казачьихъ войскъ	6
IV. На день восшествія на престолъ Императора Але- ксандра III	8
V. „Близокъ часъ торжества великаго!“	9
VI. Въ день вѣнчанія на царство Е. И. В. Государя Императора Александра Александровича	11
VII. Слова кантаты, исполнявшейся при коронаціон- номъ обѣдѣ 15 мая	12
VIII. 15 мая 1883 года	18
IX. 15 мая 1883 года	20
X. Ода на священное коронованіе Государя Импера- тора Александра III	24
XI. Молитва за Царя	27
XII. „О, для тебя, Москва моя родная“	28
XIII. „На событіе 17-го октября 1888 года“	29
XIV. 17-е октября	31
XV. „Единовластіе считая“	34
XVI. На семнадцатое октября	36
XVII. Надежда—Богъ	43
XVIII. „Расклеены повсюду телеграммы“	44
XIX. „Взойди, счастливая заря!“	45
XX. Скорбные дни (отрывки изъ дневника)	46
XXI. „Словно какъ саваномъ“	60
XXII. Памяти Царя-Миротворца	61
XXIII. На смерть Императора Александра III	62

	стр.
XXIV. Императору Александру III	64
XXV. „Ницѣ! О ницѣ“	65
XXVI. „Повсюду плачѣ“	66
XXVII. Императору Александру III въ Бозѣ почившему .	67
XXVIII. На смерть Государя Императора Александра III .	68
XXIX. Памяти Царя-Миротворца	69
XXX. 20-е октября 1894 года	71
XXXI. Дни скорби	75
XXXII. 20-е октября	79
XXXIII. Горе земли русской	81
XXXIV. 20 октября 1894 года. На день кончины въ Бозѣ почившаго Государя Императора Алексан- дра III	83
XXXV. Блаженной памяти Императора Александра III . .	86
XXXVI. Послѣдній путь	87
XXXVII. Царь-Миротворецъ	88
XXXVIII. 1-го ноября 1894 года	93
XXXIX. Послѣднее прощаніе (изъ эпопеи скорбныхъ дней)	96
XL. Въ эти дни	99
XLI. „Сумракъ спустился на городъ угрюмый“	100
XLII. У Гроба	102
XLIII. Со святыми упокой	103
XLIV. У Гроба	105
XLV. Послѣднее прости	107
XLVI. „Уныло-торжественный“	109
XLVII. 7-е Ноября 1894 года	111
XLVIII. Посвящается русскимъ дѣтямъ	113
XLIX. Памяти Императора Александра III	114
L. На гробъ Императора Александра III	116
LI. Эпитафія на гробъ Государя Александра III . . .	118
LII. Двѣ побѣды	119
LIII. Императору Александру III	121
LIV. „Для смерти нѣтъ“	122
LV. 26-е февраля 1897 года	124
LVI. 26-е февраля	125
LVII. Священной памяти Царя-Миротворца	127
LVIII. Къ портрету Государя Императора Александра Александровича	128
LIX. На могилѣ Императора Александра Третьяго . .	129
LX. Въ Ливадіи	130

